

12+

**УЛОВЦЫ
ЛОВЦЫ
УЛОВЦЫ**

Олег Суслопаров

Олег Сулопаров
Ловцы человекoв

«Автор»

2020

Сулопаров О. Г.

Ловцы человек / О. Г. Сулопаров — «Автор», 2020

У молодого человека проявляется дар, сущность которого ему непонятна: он может, общаясь с человеком, почувствовать боль или разочарование, которые человек несет в себе через всю жизнь. Об Игоре случайно узнает москвич Владимир, пытающийся делать бизнес на выступлениях разного рода пророков и целителей. Он предлагает Игорю разработать его способности и старается представить его новым современным Мессией. Признание людьми Игоря как современного пророка начинает возрастать стремительно, особенно с использованием интернет-ресурсов. Но в мире уже много тех, кто считает себя ловцом человек.

© Сулопаров О. Г., 2020

© Автор, 2020

Проста жизнь человеческая и немудрен ее смысл: продлить физическое существование и получить больше удовольствий. И все мы произошли от обезьяны, и нет пророков, посылаемых на землю, и жизнь наша конечна, и не будет к нам вопросов после смерти нашей. И легко шагать по отведенному тебе кусочку бытия, думая так...

...Странно, еще вчера общее течение жизни представлялась ему существованием какого-то затерянного в болотной глуши озера с зыбкими берегами. Оторвешься от берега плавучим островком-кочкой, покачаешься на волнах черной воды на рассвете, поймешь все однообразие доступных тебе берегов, а затем тебя, успокоившегося, снова и уже навсегда прибьет к берегу. И утихнет любое отчаяние от краткости этого плавания...

– Я вот тоже так хочу: спишь себе до обеда, а потом раз – и просыпаешься знаменитым! – разбудил Игоря торжествующий голос его друга Антона.

Спавший на веранде оставшегося от умерших родителей старого домика на окраине маленького городишки, Игорь поднялся с кровати. Антон сидел напротив в кресле с крашеным пасхальным яичком в руке, разве что не подпрыгивая от желания что-то рассказать.

– И зачем мне знаменитость? На городах больших я никакого применения себе так и не нашел. Похвалить некому. Все, я теперь живу здесь, по вечерам читаю книжки. Что еще надо, если до тридцати лет хорошими делами прославиться не смог? – сонно ответил Игорь.

– Видишь ли, тут в мире произошли два события, – в своей обычной помпезной манере стал излагать Антон. – Во-первых, воскрес Христос! По этому поводу вот тебе крашеное яичко. Во-вторых, еще по этому же поводу, видимо, объявлена амнистия и на свободу выпущен заключенный в тебе талант всутьсмотрения, истиновещания, мракоборства и телодушеисцеления. Даже не талант – Талантище. А может, целый Дар! Пошли его проверять в деле скорее!

Игорь откинул занавеску и выглянул в окно. Пасха в нынешнем году была поздней и теплой – за окном солнце уже гнало траву из нагретой земли. Все вокруг стремительно рвалось к жизни, словно свершилось что-то, разбудившее чудовищные силы и знания. И свершилось просто потому, что пришло для этого время.

– А где толпы почитателей таланта?

– На подходе! Ты лучше слушай, с каких сторон они подойдут. Мне уже с утра докладывают...

Глава 1

– Во-первых, великим деянием твоим было исцеление одноклассника нашего конфузника Гоши, коего мы вчера навещали в больнице. Который, если ты помнишь, по конфузу себе голову чуть не проломил и поджарил эти... булки ягодиц, в общем, – жестикулировал сидящий в кресле Антон. – Врачи сначала думали, что его маньяк пытал какой. Оказалось, он с работы пришел, жене дал одежду промасленную и бензина банку, постирай, говорит, с бензином, так масло и отойдет. Она и постирала, а бензин в унитаз вылила, думала, что он там в воде утонет. А мужик поужинал – и на горшок, да еще газету с собой взял, покурю, думает, не спеша за делом, и почитаю. Закурил и спичку под себя бросил, а потом уж в скорой очнулся. Жена рядом ревет, хорошо, говорит, что ты у меня дверь головой вышиб, я на тебя успела трусы натянуть, пока скорая ехала. Так вот, вчера ты ему велел к утру выздороветь – и пожалуйста, сейчас он прыгает от радости до потолка: и голова, говорит, не болит, и зад розовенький, как у поросеночка!

– Всего-то? Ты выявил у меня дар заживления этих самых, как его, булок? Может, я как-нибудь без него проживу?

– Кабы-то. Все гораздо серьезней... Среди деяний есть и усмотрение ужасных картин будущего!

Оказывается, позавчера в разговоре с другим бывшим школьным товарищем Игорь вдруг заявил, что Сергей утром, выезжая на машине на работу, врежется в первый же столб. Почему он так сказал, Игорь и сам не понял и постарался тут же все свести на шутку.

Однако, грузовик Сергея был оставлен в гараже с незакрытой дверью, и ночью, соблазненная запахом нескольких кусков хлеба, лежавших вместе с бутылкой минералки за водительским сидением, в кабину залезла тощая старая крыса. Погрызая вволю куски хлеба, крыса зарылась в тряпки, хранившиеся тут же, и уснула. Когда утром Сергей запрыгнул в кабину и хлопнул дверкой, крыса проснулась и насторожилась, сообразив, что пути к отступлению отрезаны. Грузовик выехал из гаража, Сергей вырулил на улицу города и стал правой рукой искать за сидением бутылку с водой. Рука наткнулась на что-то теплое и мягкое, которое противно зашевелилось. Сергей отдернул руку. Крыса рванулась, прыгнула на стекло, с писком царапнула по нему коготками, скатилась на колени водителя, упала под ноги. Сергей дернул ноги вверх, затем топнул по крысе из всех сил, но только отдал ей хвост. Крыса, обезумев от боли, заметалась по кабине, кинулась туда, откуда она вчера попала в кабину – под водительское сидение. В поисках какой-нибудь лазейки она вдруг нырнула в широкую штанину и, царапая по ноге Сергея, с писком полезла вверх, где было все уже и уже...

Через секунду грузовик врезался в бетонный столб, который стоял у дороги рядом с автобусной остановкой. Столб переломился у основания, удерживаемый проводами, стал клониться и мягко упал верхушкой точно в окно на втором этаже одной из местных контор.

Женщины, стоявшие на остановке, дружно охнули, когда машина сломала столб, а когда из кабины машины вылетел Сергей, бешено разрывающий на себе брюки и стянувший их ненароком вместе с трусами, стали покрикивать на разные лады, сами не понимая, что выражают их крики. Когда же, наконец, из разорванных брюк выскочила совершенно очумевшая крыса и скачками понеслась прямо на них, женщины зашлись в единотональном визге и замахали изо всех сил сумками.

Впрочем, начальник организации, в которой работал Сергей, узнав о происшествии в подробностях, простил водителю помятую кабину машины – вошел в положение. И укусить Сергея крыса не успела, хотя тот потом утверждал, что пыталась. Возможно, беззубая была.

– Он-то еще сам цел остался, а вот Ваське месяц гипс носить! – трагично констатировал Антон. – Ты ему вчера сказал, чтобы он в праздник не работал, а то руку сломают... Достойное наказание за ослушание всеведущего и непочитание Пасхи постигло неразумного!

Василий отправился рано утром на пилораму напилить несколько досок для какого-то срочного ремонта в своем доме, выпросив у ее владельца возможность ненадолго попользоваться станками в выходной день. С собой он прихватил на подмогу соседа, который слабо соображал и держался на ногах, начав праздновать еще вчера. Оказия случилась с Василием из-за сущей ерунды – попавшей в сапог щепки. Щепка колола, а времени на то, чтобы переобуть сапог, Василию вдруг стало жаль. В очередной раз почувствовав укол в ступню, он в конце концов, отведя ногу назад, склонился и затряс ею, стараясь вытрясти мусор из сапога. Рукой он оперся на висевший на стене рубильник, положив ладонь прямо на выходящие из него провода.

Поднявший в этот момент взор от станка к Василию его сосед ужаснулся: напарника явно било в конвульсиях! «На провод оголенный рука попала, экак его загнуло и колбасит! И рука не отлипает никак!» – растерялся на долю секунды тот. В голове пронеслись слушанные в школе наставления о том, что попавшего под ток надо как можно скорее отделить от источника тока какой-то деревяшкой. Он моментально схватил обрезок лежащей рядом толстой доски и, размахнувшись, хлопнул товарища так, чтобы уж точно отлепить его от проводов. У отлетевшего на пару метров Василия перехватило дыхание от боли в сломанной руке. Но когда он увидел склонившегося перед ним соседа с таким довольным видом, словно ему полагается сейчас в награду целый ящик спиртного, Василий истошно закричал: «Убивают! Спасите!»

– Зато слова твои впредь да не пропустит никто мимо ушей! – торжественно воздел вверх руки Антон. – Ни в чем не откажут, гадость не сделают, чтоб не напредвещал чего-нибудь.

– Почитатели такого таланта скорее всего с вилами подойдут... Не, это демоны в страстные дни силу возымели от моего лица народ смущать. А мы же официально за светлую сторону силы. В общем, я больше не буду, – подыграл Антону Игорь.

– Погоди, я не сказал самое главное.

Когда вчера вечером Игорь шел к Антону по окраинной улочке маленького городка, в который он вернулся-таки после долгих попыток устроить жизнь в городах крупных, рядом с домиками в садах на яблонях бились из почек нежные листочки, пахло прелым и одновременно чем-то тревожным-манящим. словно в мрачном переулке ты вдруг уловил тающий запах духов прошедшей здесь перед тобой красавицы – она где-то впереди и ты вот-вот догонишь ее и заглянешь в лицо. Весна!

И вот это ощущение – словно надо лишь прибавить шагу и откроется что-то неведомое и одновременно ясно искомое – каждый раз просыпалось при взгляде на Ольгу. Сестра Антона Ольга сидела на веранде в кресле перед окном в сад, накинув на колени плед – ноги были бездвижны после зимнего падения спиной на угол бордюра. Но Ольга улыбалась, объясняя, что шанс восстановления все равно есть: была одна операция, попробуют еще другую, между ними она пока и живет здесь, в доме родителей.

Действительно, подумал Игорь, в женщине так ценно именно ее легкое дыхание. Хотя как объяснить его воздействие – тебе просто легко дышится рядом с ней... И главное – эта улыбка. Она словно кисточка, которая стирает пыль на старой картине – и сразу видно, ценный ли это холст... Наверное, не улыбаются те, кому лень стирать пыль на своей картине...

– Ну, так все не так плохо, – вдруг сказал он. – Вот завтра утром ты проснешься и почувствуешь, что можешь пошевелить пальцами. Это для начала. Потом начнет покалывать ноги, потом заболят мышцы, потом встанешь с костылями, потом станешь сгибать свои конечности, ну ножки то есть....

И тут же жутко смутился. Его порыв открыл то, чего он не знал и не должен был знать и об Ольге, и о ее брате... Не сразу понятные чувства и детали каких-то происшествий, обрывки каких-то слов и впечатлений, которые вдруг складываются в то, что именно Игорь может соединить и произнести. снова свалившееся на него наваждение, которое все чаще подает свой голос в последние годы. Он встряхнул головой, словно пытаясь скинуть его. И оно снова тихонько улеглось – ну что ж, подожду, если ты еще не готов...

– И ты понимаешь, она мне вчера вечером говорит, что вот так просто взяла тебе и поверила. А сегодня утром – все как по прописанному! И она даже вроде как на вид и не удивляется, – возбужденно шептал уже Антон, как будто сообщал страшную коммерческую тайну. – Так что хватит спать до обеда! Пошли дальше пробовать!

Только тут Игорь ощутил, что в те моменты, когда в него пробивается неясный пока поток знаний и ощущений от других людей, в него словно вливается и какая-то основанная на этом знании сила. словно он насыщается тем основным чувством, которое несет незаметно ото всех другой человек, и способен сконцентрировать его в какую-то рвущуюся наружу энергию. Энергия эта зарождается в нем, когда он вглядывается в этих людей, пытаясь понять, за что их можно хоть немножечко любить.

Внезапное открытие ошеломило его, как будто он всю жизнь страдал от того, что не умеет плавать, а оказавшись среди безбрежной реки, сможет поплыть с наслаждением и с легкостью рыбы. Вот оно, наконец-то! Сейчас все и начнется! Что начнется?

– А если все это случайности? – проговорил он.

– То, что мы такие вот интересные живем – это уже случайности. Но ведь живем же! И нам даже птицы весенние поют, так что будем налегать на весло! Так что поставим себе две главные задачи: первая – не верим в случайности, вторая – верим в себя!

– Так во что верим-то?

– А данную веру будем подкреплять и развивать опытным путем. Пошли!

Как правило, чаще всего люди советуют то, что не получилось у самих. А вдруг получится у других?

Основное чувство, которое нес по жизни Антон Снегирев, – это ощущение того, что жизнь обошла его. Не обидела, не втоптала в грязь, а просто обошла стороной. Все, что происходило с ним, казалось ему простым соблюдением привычного порядка вещей, бессмысленным, скучным, имеющим заранее определенный результат. А жизнь – яркая, осмысленная из-за непредсказуемости каждого своего последующего мига, полная небывалой силы чувств – казалось ему, идет в это время где-то параллельно и никак не может с ним сойтись. Разогнув заостренную спину на огороде родителей и отчищая загрубелыми пальцами от сентябрьской грязи клубень картошки, он против своей воли представлял себе – он мог бы в эту минуту стоять на горном перевале, где ветер трепал бы его волосы, облака проносились, окуная в свою туманную дремучесть, ледники сверкали белоснежностью вечности, а дальнейший путь возбуждал подстерегающими опасностями и важностью поставленной задачи.

И он старался жить, не впуская в голову такие мысли. Он сам не был скучным, несмотря на то, что жизнь была таковой для него. Наоборот, скука однотонности слов и поступков окружающих людей заставляла его противостоять ей. Он помнил массу грустных анекдотов, прикольных историй, умел их рассказывать с сочиняемыми на ходу прибаутками, то с ироничным пафосом, то с рифмовкой, переделкой фраз из старых песен. Но вот после приема алкоголя балагур превращался в печального пессимиста, который мог усмехнуться разве что над мелочностью и обыденностью всего происходящего. Алкоголь давал ощущение легкости в теле и мысли, но легкость мысли приносила отчаяние. Имеющиеся-таки силы все равно некуда использовать.

Он читал много романов «фэнтези», его ужасно занимали рассказы обо всем необъяснимом и чудесном, и Антон всегда завидовал очевидцам этих непонятных явлений и совпадений. «Представляешь, в журнале читал опять про инопланетян, – рассказывал он однажды товарищу. – Там один мужик вроде как в контакт вступил с иниками, те ему: поехали в гости к нам, у нас в натуре круто, а он – в полный отказ. Его журналист спрашивает: чего, мол, испугался? Тот отвечает: неужели бы кто-то согласился? Дебил! Чего с такого возьмешь, кроме анализов...»

Имея постоянную жажду направленной деятельности, он не имел решительности. Ее ему не хватало даже на то, чтобы развестись наконец с женой, которая вышла за него замуж без особой любви и привыкла к созданной им атмосфере потакания и всепрощения. Мысль о том, что он может потерять дочь, которую будет воспитывать одна вечно всех обвиняющая мать или другой мужчина, пугала его. «Будем жить?» – улыбался он маленькой дочке. Со вздохом добавлял: «Хотя это, конечно, все равно не жизнь... Все происходит зря, и ни к чему особому не ведет...» И представлял, какой страстной была бы ночь любви с нежной красавицей, с которой он бы отправился под видом влюбленной парочки раскрывать коварные замыслы иностранной разведки.

Поэтому когда Антон заметил что-то необычное в способностях Игоря, его охватил чуть ли не восторг: вот она, жизнь не серая, рядом! Воображение рисовало даже больше, чем видели глаза.

– Ты не против, если я буду тебе ассистентом? – предложил Антон. – Или апостолом, как там пойдет... В общем, ассипостолом.

– А если придется уехать? – вдруг решительно спросил Игорь, до этого молча глядевший на Антона почти минуту.

– Ну, если ненадолго... У меня все-таки жена и дочь есть. Если чем-то жертвовать... – сразу потерял часть уверенности Антон.

– Брось. Эта твоя семейная жизнь есть жертва. Твоя же дочь вырастет и будет презирать тебя за это. *Боясь чем-то пожертвовать, мы и приносим свою жизнь в жертву, а чужие жертвы делают людей только хуже. Жертвовать можно только ради себя. Так что пожертвуй своей ленью и страхами.*

– Вот тетка Валя. Сюда с севера приехала. Второй год болеет. И язва у нее, и давление, и зрение садится – тебе, в общем, поле деятельности размером с Сахару. Води руками, знай лечь – не калечь! Берем стратегию наскока и нахрапа. Может, чего и получится, – объяснял Антон, увлекая за собой по улице Игоря.

Тетка Антона и Ольги Валентина оказалась женщиной полной и изнеможенной. Лицо у нее можно было назвать добрым, но взгляд был сконцентрирован в точку, а губы привычно поджаты. На глазах были толстого стекла очки, сквозь которые взгляд казался несколько ошарашенным. Двигалась по квартире она враскачку, шумно вздыхая почти при каждом шаге. Телевизор стоял как раз напротив дивана и работал на полную громкость, как бывает в квартирах у старающихся ни о чем не думать людей. По ящику тетка смотрела стандартно-пошлейший отечественный телесериал: то любовь, то стреляют, кругом бандиты и богатеи.

– Тетка, это мой друг Игорь! У него способности, он лечить умеет, – сразу заявил Антон, едва переступил за порог.

Пока он объяснял тетке, что не надо ничего бояться и стесняться, что ей повезло натурально, что вообще хватит с диваном обниматься, Игорь соображал, что ему делать. Он видел однажды, как деревенская бабка-знахарка проводит свою диагностику внутренних органов, вода пламенем свечи перед обнаженным торсом стоящего мужчины и вглядываясь сквозь пламя. Видимо, внутренние болезни как-то дышали на пламя, и знахарка это улавливала: ее диагнозы многие называли верными и лечили отварами трав, пучки которых та знахарка собирала всю первую половину лета. Многим помогало. Но когда одна обратившаяся привела к ней своего малолетнего оболтуса и спросила, отваром каких трав полечить его невроты и истерические капризы, знахарка посоветовала нарвать свежей крапивы. А как заваривать? – спросила женщина. Заваривать не надо, стянула штаны и обиходила его веником... – пояснила знахарка.

Игорь представил себе, как экстрасенсы водят руками над головой клиента или фотографией – проникают в карму. Увы, так банально, что даже не смешно. Просто взять и наговорить женщине, что все болезни скоро изойдут от нее? Только мол, молись за спасение. Игорь шумно вздохнул, не зная, с чего начать. Женщина переключила внимание с Антона на него.

– Да вы садитесь, – сказала она, неловко пододвигая ему стул, и эта неловкость вызвала вдруг у Игоря мимолетный укол жалости. «Все неловкие души за несчастных всегда известны», – вспомнил он стих Есенина. Антон тем временем продолжал говорить всякую чушь, наверное, уже раскаявшись в своей попытке провести курс моментального оздоровления всей тетушки.

– Вы не удивляйтесь, – присев на стул, начал говорить первое, что ему приходило в голову, Игорь, – У всех есть разные способности, у меня тоже. Я не знаю, как, но похоже, что могу воздействовать на здоровье других. Посидите спокойно, пожалуйста, я постараюсь сосредоточиться.

Женщина грустно опустила на диван. Наговорить ей, что все пройдет? Вон в больнице – пару слов сказал, а результат есть! Но делать так не хотелось.

– Я, видите ли, у себя обнаружил некоторые необычные способности. Ну, знаете, бывают всякие экстрасенсы и народные целители. Вот и у меня что-то такое же получается, правда,

методику-то я еще не отработал... Как это у меня получается – и сам толком не знаю пока. Но я чувствую, например, что вы нездоровы, и нездоровы в первую очередь не физически.

– А как же еще-то?

Игорь передохнул. И вдруг начал говорить то, что само вдруг рождалось в его голове.

– У вас муж пришел тогда домой пьяный, а вы решили ему спуску не давать. Кричали долго, а потом никто из вас не извинился друг перед другом. Поэтому каждый привык после этого не прощать другого. И злость стала потихоньку съедать вашу жизнь. Мужа уже нет, а вы оправдываете себя и одновременно обвиняете.

– Я себя обвиняю? В чем это виновата?

– Если человек не может уступить другому, значит, он ждет, что другие будут уступать ему. Значит, он ставит себя выше других. Проще всего лежать на диване и обвинять на словах умершего мужа, а в мыслях – саму себя. Очнитесь – простите и себя, и его. Сходите в церковь, помогите кому-нибудь как сможете.

– И Бог мне здоровья отвалит?

– Почти всем дается здоровье, просто многие почему-то хотят получать его исключительно даром. А те, кто и получил его даром, обычно не ценят таких подарков. Выкиньте из головы все лишнее: прошлое – прошло и не вернется, хватит без конца хоронить мертвецов. Сегодня уже не ешьте ничего, завтра утром встаньте до рассвета, выйдите за город, посмотрите, как солнце всходит... Может, вам и придут мысли о том, чем вы сможете заплатить за здоровье...

Игорь быстро встал и вышел из дома.

– Н-да, тетка не в трансе от сеанса. Хотя посмотрим, вдруг завтра до потолка прыгать будет?

Игорь шел по улице молча, не обращая внимания на словесный поток, льющийся от Антона.

– А если не сползет она с дивана? Осрамимся, однако... – Антон говорил в свойственной ему манере выражаться «прямо и натурально». – Не, надо на незнакомых и неместных испытания начинать. Пойдем на автостанцию в кафешку, может, на кого из проезжающих воздействуем положительно?

– А как узнаем результат?

– Ну, телефончик дадим пациенту. Ну, в крайнем случае, просто технологию будем набатывать. Подсядем к какой-нибудь одинокой молодежи крутобедрой и скажем чего-нибудь дельное за жизнь и здоровье ейное.

Они завернули в ближайшее придорожное кафе у автостанции, в которое заходили перекусить водители и пассажиры междугородних автобусов, идущих через их городок в большие города соседней области. Кафе имело вывеску «Синяя птица», но в городке его все называли проще – «синяковкой».

Зайдя внутрь небольшого помещения, Игорь с Антоном приостановились.

– Вон две клиентки с перспективной натуральностью! Доведем их до экстаза, не накрывшись медным тазом! – зашептал Антон, подталкивая Игоря в сторону двух весело болтающих и улетающих пирожки пышнотелых девиц. Но тот остановился, растерянно оглядываясь.

– А, понял. Рекогносцировка местности перед атакой... – зашептал не унимающийся Антон.

Игорь неожиданно направился к скучно и серо одетой женщине средних лет.

– Вам нравится наш город? – совершенно неожиданно спросил у дамы Игорь. – Вы его еще увидите. Если будете осторожны. Когда вы откроете вечером дверь, в прихожей будут стоять ...

А основным чувством, которое всецело владело Анной Сергеевной – той женщиной, с которой говорил Игорь в «синяковке» – и, казалось бы, вело ее по жизни, было чувство вечной озабоченности. И как это часто бывает, наполненная озабоченностью жизнь ее была мало наполнена заботами. Она была страшно озабочена тем, что подумают о ее внешнем виде ее коллеги на работе, – и поэтому мало уделяла внимания своей прическе, манере одеваться, чтобы, не дай бог, не выглядеть броско на фоне других. Она очень переживала, что еще судачат о ней окружающие, и не задумывалась, любознательность или замкнутость выражает ее взгляд.

Она жила одна, так и не выйдя замуж. Приходила в крохотную квартирку после дня унылой работы, со вздохом смотрела на не вымытые утром кружку и ложку, половину вечера решала, когда же удобнее помыть посуду... Половину вечера думала, например, о том, какую заведет себе собаку, когда выйдет на пенсию, и при этом с омерзением вспоминала, как ее одинокая соседка-пенсионерка нянчится со своим плюгавым песиком, которого от нечего делать кормит с ложки, надев ему передничек.

И странное дело – именно в закрытой квартирке ее немного отпускало постоянное чувство голодного одиночества. Лишь за закрытыми дверями оно становилось ее спокойным и надежным попутчиком и даже собеседником по жизни. Но стоило выйти на улицу – одиночество торжествовало над ней: вокруг тысячи людей, которые движутся по своим не пересекающимся орбитам. Оно грызло ее и одновременно со злостью огрызалось, если вдруг чья-то орбита почти соприкасалась с той, по которой вращались ее однообразные будни.

И тот вечер, когда она, возвратившись из поездки в областной город, вошла в подъезд своего дома, поднималась по лестнице на второй этаж, она озабоченно перемотала в памяти недавний утренний эпизод в придорожном кафе. Она поставила сумку перед дверью, отперла замок и не достала сразу ключ, а сначала наклонилась за сумкой. И неожиданно в проеме полуоткрывшейся двери заметила двух стоящих в ее прихожей мужчин в рабочих комбинезонах. В руках их были большие сумки, и еще какая-то картонная коробка. Стоявший впереди мужчина, отвернувшись, невероятно спокойно произнес:

– А, хозяйка пришла. У нас все готово, как заказывали сделать. Пошли на кухню работу принимать, там хозяин уже заждался.

И не давая женщине опомниться и рассмотреть выражения их лиц, мужчины развернулись, поставили коробки на пол, шагнули внутрь квартиры.

В любой бы другой день Анна Степановна инстинктивно шагнула бы следом за ними, вспыхнув от непонимания: кто-то открыл дверь ее квартиры, устроил в ней какой-то ремонт... Но она сделала все так, как велел ей неизвестный молодой человек в том райцентре, в котором на полпути останавливался автобус. Захлопнув дверь и повернув ключ, она пронзительно закричала: «Помогите!»

Уже однажды опробованный в случае неожиданного появления хозяина обкрадываемой квартиры прием, на этот раз подвел двух матерых домушников. В спешке они выскочили на балкон, прыгнули со второго этажа. Один из них, повредивший при падении ногу, вскоре был задержан, затем милиция задержала и второго.

– Я все равно найду его, он не такой как все, – рассказывала Анна Сергеевна следователю.

– Это как? – усмехнулся тот.

– Это когда живешь – и все вокруг для тебя словно одинаковые, а потом оказывается, что это не так. И от этого даже смысл жить появляется.

Следователь хмыкнул. Но на следующий день публикация о необычном происшествии в этом городе с оригинальными подробностями появилась в одном из интернет-изданий города, а затем, многократно приукрашенная, стала странствовать в других интернет-изданиях. Автор ее даже поговорил по телефону с ней, а потом позвонил в тот город своим коллегам из местной газетки, но те ответили, что о ходячих предсказателях в их районе пока ничего не слышать.

Она не сказала ему только самой последней услышанной ею фразы:

– Счастье ваше проснется, когда вам понадобится его давать кому-то. Зайдете в ближайший детский дом, и оно само подбежит к вам...

– Вот так вот даром – и счастье? – усмехнулась она тогда.

– Знаете, в советское время одна очень известная книжка заканчивалась блаженным призывом: Счастья всем! Даром! И пусть никто не уйдет обиженным! Я думаю, если всем дать счастье даром – мир, наоборот, только наполнится обидами...

Однако, уже через несколько дней после Пасхи в домик Игоря стали робко заглядывать гости. Одна из соседок разнесла слух, что тот разом избавил ее от бессонницы и мигрени после того, как она взяла и при нем вдруг поклялась больше не думать даже плохо ни об одном из людей. Потом другая поведала, что у нее перестало двоиться в глазах после выполнения поставленного Игорем условия, но какого – не сказала.

Станным для всех желающих вдруг избавиться от болячек казалось то, что Игорь никогда как будто бы не лечил сам. Он ставил какие-то условия, говорил с людьми о чем-то, после чего те начинали чувствовать, что словно вернулись мыслями к самым важным моментам своей жизни. Удивительным было и то, что лучший лечебный эффект получался у тех, кто выходил от Игоря с необычным ощущением, что все еще можно исправить, надо только быть живым...

Слегка приукрашенный молвой, слух о нем даже чуть выкатился за пределы маленького провинциального городка, затерянного на просторах бездорожной глуши покосившейся от вечной старости российской глубинки. Той ее части, где широкой полосой лесостепные перелески переходят в дремучие и болотистые, наполовину вырубленные, наполовину заваленные буреломом таежные леса. Самой северной части той воспетой многими поэтами средней полосы России, которая стала очень похожа по своему характеру на исподлобья глядящего с печи из-под всклокоченных волос на обидевший его мир безногого богатыря. На доброго великана, захиревшего от бездействия.

А Игорь с таким же удивлением, какое испытывали люди, до которых доходил слух о его способностях, сам жадно пробовал в деле эти способности. Часто сидевший рядом с ним Антон записывал свои наблюдения в записную книжку.

– И что там в твоих записях? – спросил Игорь у Антона.

– Тут все учтено! – показал тот свои записи в расчерченной на листке таблице, которая снизу все дополнялась новыми строчками. – Вот полный перечень апробированных и экспериментально доказанных способов воздействия на человеческие экземпляры, которыми вы владеете, ваша уникальность!

– Ну и?

– Так, первое... Положительное воздействие на страдающий недугом организм, толчок для коренных изменений в духе и теле. Причем все это – не наложением рук и чисткой кармы с экстазированием, а советом типа как Пушкин велел: «смирять свой дух молитвом и постом» или «товарищ, верь, придет она». Правильно, все епитимью заслужили! А вот моментальное кодирование не идет, никто, грешный, не сподобился по первому велению отвергнуть никотиноядие. Определение местонахождения родственников по портрету тоже не идет, увы. Дальше... Психотерапевтическое вмешательство в процесс мирозерания и жизнеосознания, предсказание критических моментов в будущем и указание на судьбоносные, как неожиданно оказывается, моменты прошлого – получается. Снятие порчи и любовный приворот – не пробовали. Воскрешение мертвых – тоже. Хотя надо бы во всем этом на кошках, что ли, потренироваться... В принципе, можно у калитки рекламный щит ставить «Лечу от всех болезней!»

– От всех не улетишь. Ты еще прейскурант на дверь не повесил?

– Нет, я его только составляю, как видишь. Да и его же надо сразу с указанием расценок вывешивать. Пока вот суют кто денежку, кто банку тушенки, дабы воздействие «к житью»

было. Кстати, меня про преискурант этот подробно мужинка один выпрашивал, когда я утром из твоего дома выходил. Я, говорит, к нему вечером зайду, после всех. Он и других доно- сительством заставлял заниматься. Целый день вертится здесь, всех выпрашивает. Похоже, ЦРУ уже в курсе, хотят тебя завербовать соблазнять премьер-министров женского пола в раз- вивающихся странах Африки! Не соглашайся, скажи: СПИДа боюсь!

Мужчина, про которого говорил Антон, зашел поздно. Внешне он был на первый взгляд ничем не примечателен. Однако легкий и цепкий взгляд его выдавал человека энергичного, умеющего и ценить удовольствия жизни, и, с легкостью относясь к ее невзгодам, ждать момента, когда снова повезет.

– Здравствуйте! – сказал он Игорю легко и просто. – Я слышал, вы говорите с людьми?

Игорь молча пригласил его на веранду. Тот прошел, сел.

– Меня зовут Владимир. Я приехал издалека. Вы можете мне сказать, угрожает ли мне что-то в ближайшем будущем?

После долгого молчания Игорь ответил:

– Вам бы надо перестать вечно искать оправдания тому, что вы делаете. Чем больше вы их ищете, тем больше злитесь на себя. Займитесь тем, что даст вам покой, а не деньги. А то вы уже устали без конца мотаться по стране на машине, чтобы забыться. Не надо доводить себя до усталости. Усталость – это старость. Но ведь вы не об этом меня хотели спросить?

Лицо вошедшего выразило удивление и готовность к честному диалогу.

– Да, я хотел сделать вам конкретное предложение, – сказал он.

Москвич Владимир Снохин, ухватившийся за информацию о провинциале с необыч- ными способностями, приехавший к нему на встречу и целый день посвятивший сбору пред- варительной информации, жил по принципу «попасть в струю». Его всегда, сколько он себя помнил, преследовало ощущение, что кругом совершенно явно и неостановимо текут денеж- ные реки. Что реки эти разбиваются на протоки, искрящиеся, звенящие струи, порой высыха- ющие среди песка жизни, порой туго набивающие водопадом чей-то карман. Что толпы одних людей, как неуютные скалистые острова, потоки эти обходят со всех сторон, бросая на них лишь брызги от величия своего, которые потом скатываются с этих скал до последней капли. Часть же других людей, словно камышовые плавни в устье великих рек, эти потоки щедро омыают и поят без конца и почти без особой причины. Разве что причиной можно назвать то, что люди эти, как растения, выросли в нужном месте и в нужное время, на благодатной почве, и путь для их роста был уже заранее расчищен этим же щедрым денежным потоком.

И вечной целью этого человека был поиск этого потока, который бы поил именно его, вытекая их общей реки по проложенному его владельцем руслу в неприметный для других тихий и тенистый пруд, из которого уже никто другой не посмеет зачерпнуть...

Окончив учебу на излете советского времени, Владимир нашел довольно непыльную работу с приличной зарплатой. Налетела буря перемен, но для Владимира были скучны бушу- ющие страсти людей, которые сами не осознают, чего им надо и против чего они бунтуют. Но вот прошли годы, любимая им столица после всей неразберихи стала становиться все чище и шумнее, глаза его земляков – все надменнее и упрямее, а шутки, над которыми смеются в концертных залах и с телеэкрана, – все тупее и безадреснее.

Тогда он понял: на город снова направлены денежные реки, которые умывают его еже- дневно и ежечасно. Найти, оторвать от этих рек свой, именно свой ручеек, копать, расширять его русло! Эта мысль захватила его полностью, и получение мерно капающей зарплаты вдруг показалось ему делом совершенно не азартным и противным.

Он пробовал заниматься торговлей, но в одиночку значительно разбогатеть не получа- лось. К тому же случились перемены в его личной жизни – он развелся и событие это поселило в него великую скуку, поедающую его дни. Да, деньги есть, но жизнь стала бессмысленной во

всех ее проявлениях, и даже бизнес стал ему скучен. Он на несколько недель отправился в поездку. Ехал по стране, куда хотел, сворачивал наобум, не имея четкого маршрута, словно убегая от одолевающей его скуки и стараясь победить ее всеми неожиданностями своего пути.

А потом вдруг пришла в голову мысль, что все это тщетно и он гонится за какими-то иллюзиями, вместо того, чтобы их уничтожать. И появилась злость на все иллюзии, которыми он страдал в своем неудачном браке, которые вели его по жизни незнамо куда.

Надо как-то оседлать иллюзии, подумал он однажды, ночуя у костра на берегу какой-то реки, в тот момент, как зарево рассвета трепетало во всей красе, выпуская на небо светило. Ну не свои, так чужие, для начала. Пусть таким будет его следующий бизнес.

Идея созрела неожиданно. Владимира вдруг осенило: чудесное исцеление и покровительство – это то, во что долго еще свято будут верить жители России, не приученные к тому, что ничего не дается без соответствующей платы и надлежащих усилий и что любым словам надо верить, только подвергнув их сомнению. И хорошие деньги легко платят только люди, которые сами рады обманываться.

В последнем он убеждался много раз. Однажды он начал читать заполонившую в те последние годы словно вконец одуревшего двадцатого века книжные магазины книгу о молодой таежной отшельнице и через несколько десятков страниц с отвращением откинул ее. Изложенная от первого лица история была совершенно бредовой: якобы в глухой тайге в одном логове с медведем жила девка, которая только тем всю жизнь и занималась, что скакала по поляне вокруг берлоги, особым видением наблюдала, как другие женщины по всей стране трудятся на кухнях, и посылала им положительные импульсы – подсказки, как лучше что-нибудь сделать. Типа как бабахнет кому-то биоимпульсом из-под куста... Вроде как в берлоге в обнимку с медведем она научилась всему, что должна уметь современная женщина.

Как же был потрясен Владимир, когда все опрошенные им пожилые люди заявили, что они и не подумали подвергнуть сомнению правдивость книги! Чем наглее было вранье, тем послушнее в него верили воспитанные в советское время люди. Они даже устало повторяли чудовищной бредовости фразы из телевизора типа «Мы идем самым сложным из всех возможных путей, но другого пути просто нет!»

Почему так? – спросил он однажды бывшего тестя. «Нам же верить надо в лучшее-то!» – объяснил ему положение вещей тесть. Просто ты не лишен греха трусости, – мысленно отвечал ему Владимир.

Поэтому новым бизнес-проектом на рубеже 2000-х годов стало создание «лекарств из ничего»: разных «энергокостимуляторов организма» из простого расплавленного корпуса старого аккумулятора, которые прикладываются к больным местам и поднимают на ноги даже не ходячих столетних старух и других неизлечимых больных. «Биоиммунокорректоры», воссозданные из затвердевшего клея – эпоксидной смолы по уникальным древнетибетским рецептам в виде амулета, который надо носить на груди на шелковом шнурке днем, а на ночь класть под подушку...

Нанятые им коммивояжеры кружились по провинциальным городкам, пуская впереди себя наглейшую рекламу и продавая псевдолекарства. Реклама цитировала «ведущих специалистов исследовательских центров Космической биологии и Биоэкоинформационных технологий» о том, что штамповки, сделанные в арендованном Владимиром подвале, «состоят из затвердевших особым способом вытяжек трав, которые посылают сигналы низкой частоты, унисонно усиливающие энергоинформационный обмен в организме, а также стимулируют иммуномодулирующие реакции». «Боже, что может подумать об этом человек, закончивший школу!» – часто горько шутил сам властитель иллюзий. Но денежный поток зашевелился в новой прокопанной Владимиром канавке, размывая ее берега и становясь все полноводнее.

Подбодривая коммивояжеров, Владимир часто им говорил: «К вам приходят те, кому лень заниматься физкультурой, голодать, бегать по утрам, обливаться водой, любить людей

и так далее. Вместо этого они хотят обжираться сладким и жирным, валяться у телевизора, ныть, сплетничать и трепать соседям нервы, и в то же время быть здоровенькими, приклеив к брюху таблетку. Не надо жалеть эти живые трупы! И вообще, чему доктор Геббельс учил? Чем грандиознее ложь, тем лучше в нее верят!».

... Иногда его коммивояжеры работали и в другой манере, которую по его заказу разработал ему знакомый психолог. Представляясь сотрудниками полублаготворительной фирмы, они молниеносным наскоком проводили по несколько собраний в крохотных провинциальных городках. Заранее находили тихое местечко со скамейками, людей старшего возраста собирали сюда прямо на улице, говорили, что начинается срочное собрание о льготах. Скучающие пенсионеры усаживались, ведущий сразу говорил: не перебивайте, все вопросы обсудим потом. А четверо его помощников стояли по сторонам и следили за людьми и обстановкой.

Ведущий вещал сначала о каких-то мудреных льготах: оказывается, стоит только подать нужное заявление и пенсия преобразится в большую сторону. Собравшиеся воодушевлялись.

Потом начинал припугивать и предостерегать об опасностях: кругом мошенники, будьте бдительны – опасайтесь подделок! Дескать, со стороны соседнего региона поступила большая партия поддельных лекарств, в которых есть мраморная крошка, народ травится толченым мрамором! Таблетки сейчас надо сначала испытывать: размешать одну с содой в стакане: выпадут камни – таблетка опасна для жизни, пойдут хлопья – состоит из не очень-то опасного мела, а если полностью растворилась, то возможно, и настоящая. Доверять, говорил, можно только их фирме, потому что они федеральная инспекция, следят за соблюдением всех правил! Собравшихся охватывала непонятная тревога.

Почуввав нужную перемену в настроении испытуемых, ведущий переходил к конкретным делам, спрашивал: вам в прошлый День пожилого человека вручали подарки? Нет? А ведь негодяи чиновники везде отчитались, что и в вашем городе в Доме культуры прошло собрание и там раздавались бесплатно вот эти средства реабилитации (шла быстрая демонстрация какого-нибудь дешевенького электромассажера)! Что, не получали? Собравшиеся тоже удивлялись.

Подведя настрой к нужной точке, ведущий опять менял тон: а вообще-то, на другом конце вашего города нам люди тайком говорили, что получали прибор, но соседям никому не сказали об этом, потому что аппарат очень хорошо помогает, все соседи побегут просить попользоваться. Потому как лечит аппарат все! Оказывается, сначала, восклицал он, эти ценные аппараты выдавали бесплатно, но находились такие пенсионеры, что тайком сдавали их в коммерческие аптеки по страшно подумать какой цене! Но и по такой цене их из аптек сразу разбирали. Заводская цена прибора, заверял он, тоже немалая, часть их по особой программе продавали с государственной дотацией, цена получалась всего-то в размере средней пенсии. Но вот беда: программу закрыли в связи с тем, что ведется следствие по их растрате! Хотя, возможно, программу эту начнут снова, потому что много желающих получить прибор. Вот среди сидящих есть такие? Несколько человек обычно всегда поднимали руки, помощники ведущего тут же подходили к ним и записывали их адреса.

Ждите возможности купить чудо-аппараты с очередному Дню пожилых людей, резко обрывал ведущий, а сейчас расходимся! Собравшиеся шли по домам в недоумении. К тем, кто просигнализировал ранее о желании занять чудо-аппарат, помощники ведущего навещали домой сразу после собрания, поздравляя их с исключительной возможностью сделать-таки покупку...

Владелец вновь забурлившего денежного потока, год от года колеся на автомобиле по просторам провинции от одной группы своих коммивояжеров к другой, радовался финансовым успехам и в то же время злился на себя: кто-то занимается реальным делом, производит и продает реальные вещи, а он – сплошные иллюзии. Он старался оправдаться тем, что иллюзии

эти уже есть у людей, а он только дает им материальное воплощение их бестолковой веры. Но это не помогало, росла только усталость. Снова стала просыпаться скука от того, что все в мире предсказуемо, как и люди.

Он снимал на время это постоянно гнетущее ощущение летом необычным способом: останавливался на машине в самых глухих местах, съезжал с дороги в лес или на берег реки и сидел всю ночь у костра, только после рассвета несколько часов спал в машине. Физическая усталость перебивала нравственную, а впечатление от ночной тишины и спокойной мощи природы отгоняло огрызающуюся скуку.

В одну из таких ночей он подумал, что торгующих иллюзиями в легковой и никак не протрезвляющейся стране не так уж и мало. Неплохо, между прочим, преуспевают те, кто торгует иллюзиями, не имеющими вообще никакого материального воплощения: всякие колдуны, экстрасенсы, «корректоры кармы» и прочий сброд, освоивший приемы этой торговли. Интересную картину пришлось ему увидеть в одном провинциальном городке. За дачными участками там кто-то выстроил наспех недалеко от дороги прямо из неструганых досок какое-то подобие церкви с крышей в виде шатра с деревянным крестом посередине, точно таким же, какие ставят на свежих могилах. Когда Владимир остановил машину и подошел к этому странному строению, из ближайшей дачи выскочил мужичок с фотоаппаратом, что-то затараторил и миг заставил Владимира сфотографироваться с ним на фоне строения, сделав на момент снимка совершенно блаженное лицо. После снимка мужичок потерял к Владимиру всякий интерес, побрел было восвояси, но тот его окликнул:

– Эй! Так это что за усыпальница урожая?

Мужичок постарался отнекаться, но Владимир достал из машины початую бутылку виски... Оказывается, сарай служил в качестве магнита для заокеанских денег от религиозной общины «Вероисцеляющего пророка». Дочь создателя строения, бывшего советского чиновника на пенсии, несколько лет назад познакомилась по переписке с американцем, вышла замуж, уехала жить в США. Муж ее, бизнес которого вдруг пошел в гору, а здоровье под гору, стал посещать собрания в этой общине, лечиться «верой в пророка», ненадолго появляющегося на собраниях, чтобы произвести должный эффект. Основную часть «религиозной работы» на собраниях и вообще вели его ассистенты – вроде как апостолы.

Дочь российского пенсионера надоумила отца написать трогательное письмо в общину о страшной вере в России в современное пришествие пророка от Господа, да не какого попало, а именно того американского, и зачитала это письмо на одном из собраний. После этого ассистентам пророка пришлось подкинуть за океан немного денег на укрепление веры и поделиться «методической литературой». Полученные доллары так разожгли охоту у пенсионера, что он сколотил из досок этот сарай, стал фотографировать всех, кто подвернется, чаще всего бродячих алкоголиков на фоне сарая с крестом, давая в руки людям присланные брошюры на английском. Фотографии эти вместе с отчетами об укреплении веры в пророка среди россиян он стал регулярно посылать в Штаты, откуда приходили новые денежные переводы в долларах. Суммы по американским меркам небольшие, но по меркам российских пенсионеров получался прикид совсем другой.

– А не боишься, что пророк сам нагрянет с проверкой? Сразу в ноги упадешь с покаянием? – пожурил Владимир законспирированного миссионера.

– Чай, не убьют! Поедет к нам, так и придумаем чего-нибудь. Наш человек при необходимости всегда под дурачка закосить сумеет. Многие так и живут в вечном заказе, если в телеящик глянуть..

– Молодец мужик! – похвалил его, расставаясь, Владимир.

– А ведь могут они и к нам рвануть со своим вероисцеляющим отпрыском. У нас сейчас тоже богатеньких Буратинов найдется, – подумал он. – Правда, наши богатенькие пока еще мало во что верят. Их фокусами Копперфильда не удивишь: они заранее подвоха во всем ждут.

Хотя, конечно, и у нас кое-то начинает таким образом деньги делать. Нужно только рассчитывать на национальный менталитет... Ради чего наши готовы деньгу швырять? Ради демонстрации крутизны разве что. Что ж, значит, им нужен «Крутопришедший мессия», поклоняться которому – круто. Ну, типа как всякие звезды Голливуда круто относят себя к поклонникам всяких там древнееврейских учений, буддийских культов и так далее...

Эх, найти бы ему особо одаренного экстрасенса, этакого Гришку Распутина, который еще не успел в бродячие лекари перейти, объявить его пророком-прорицателем, подвести под его влияние армию черни, да еще неплохо бы и десяток царей! Или хотя бы для начала освоить чего попроще!

Владимир, оставив старый способ заработка на обмане легковверных стариков, сделал несколько попыток осуществить этот замысел. Одна из них, можно сказать, увенчалась успехом, но результат от нее, чувствовал Владимир, не мог быть продолжительным. Поэтому он взялся за новый поиск, который совершенно неожиданно вывел его на Игоря.

И задав ему всего лишь пару вопросов, Владимир сразу сказал, процитировав Новый Завет:

Да, я хотел сделать вам конкретное предложение. Отправьтесь со мною – я сделаю вас ловцом человеков.

Глава 2

Игорь потер спросонья глаза, выглянул в окно: небольшой пруд между сосен, причал для лодок на его берегу, усыпанные хвоей дорожки между дачных заборов, по одной из которых бежал спозаранку какой-то поклонник здорового образа жизни. Да, место для дачи Владимир выбрал довольно удачно, судя по виду из окон. Да и соседи тут явно не очень скучные и отягощенные огородной возней, судя по их теремкам. Состоятельные, но не слишком. Похоже, все люди, не так давно разбогатевшие, не старые, имеющие живой интерес и уважение к другим, но и не забывающие о собственной индивидуальности.

Игорь открыл форточку, сделал глубокий вдох. «Для Подмосковья совсем неплохо», – подумал он о чистоте утреннего воздуха. В соседних комнатах спали Владимир и Антон, упрямый взявший его в помощники в ловле человеков. Приехали на эту дачу они вчера поздно, сразу завалились спать.

Чуть скрипнула дверь в соседнюю комнатку – проснулся Антон.

– Привет главному ловчему от конюха! Охота на человеков сегодня начнется?

Игорь вздохнул и ничего не ответил. Что отвечать? Владимир познакомил их со своей идеей, пока они ехали к его подмосковной даче, коротко и довольно прямо изложив ее в разговоре:

– Говорю совершенно честно. У тебя есть талант – у меня есть небольшой опыт в том, как этот талант использовать. Мне искренне интересно помочь тебе кой-чего добиться. Если можно так выразиться, я буду твоим продюсером. Не учителем. Но помощник с деньгами, небольшими связями и кое-каким опытом тебе ведь нужен? Иначе ты всю жизнь просидишь в своем городке, пока не растеряешь весь свой дар на лечение поносов и запоров... Других целей для себя ты там не найдешь.

– А с тобой у меня какая цель?

– Какая цель может быть у человека? Всегда только одна – свобода! Это деградировавшие человекообразные стремятся к покою и сытости, да к тому, чтобы от соседей не отстать в качестве барахла в доме, крутизне машины и так далее.

– Что есть свобода?

– Свобода, друг мой, есть осознанная необходимость, так про нее в каком-то старом фильме говорится. От себя добавлю к этому: и возможность ее реализовать. Кто-то, может быть, осознает, что ему необходимо освоить какое-то ремесло, достичь успеха в какой-то профессии. А вот я, например, осознаю, что мне необходимо испытать потрясение от вида статуи

Спасителя над Рио-де-Жанейро... Ступить своей ногой на снега Килиманджаро... Пожить в палатке на берегу Байкала, чтобы утром подходить к воде и пить прямо из озера, стоя на коленях... Желаю просто иметь желания и возможность их реализовать. Если я этого не сделаю, я не смогу считать в старости, что жил, как свободный человек. Вот, собственно, и все, вроде немудрено. Ну, разве что еще деньги нужны в наше время для достижения свободы, без этого, увы, никак. Иначе будешь всю жизнь чужие желания выполнять, а не свои. А жизнь, она, говорят, короткая.

– То есть, если у пьяницы одно желание – напиться, и бутылка при себе есть, значит, он свободный человек?

– Я же сказал, что свобода – необходимость осознанная. А что алкаш осознает? Впрочем, многие не осознают, что их личности необходимо, пока у них денег в кармане не заведется. Да и те, у кого появляются деньги, чаще всего тоже ни хрена не осознают, живут, как все с их количеством денег.

– Значит, наша совместная цель...

– Деньги, чтобы стать свободнее! Причем деньги, которые приобретаются не путем рабского однообразного труда, а путем реализации своих же желаний и возможностей. То есть убиваем сразу двух зайцев: зарабатываем свободу, становясь все свободнее. Эх, люблю я пофилософствовать...

Потом Антон рассказывал Владимиру об отмеченных им способностях Игоря. Потом Игорь долго молча смотрел в окно, глядя на придорожные дачи, шашлычные, магазины, почерневшие покосившиеся деревни...

– Ну, так с чего начнем? – снова спросил стоящий в дверях Антон. – Может, выйдем и сразу впечатление произведем на местное население. Неплохо, думаю, с громких молитвенных песнопений начать и рубища какие-нибудь одеть, чтобы нас по одежке встречали.

Как всегда, трудно было понять, всерьез он говорит или шутит.

– Я ничего не знаю, – ответил Игорь, который решил просто положиться на волю судьбы и плыть по течению.

– Начинать надо с завтрака! – донесся голос Владимира. – Идите, я сосиски поставил варить. Поедим, и я отлучусь – есть срочные дела – а вечером вместе поедем на учебу, так сказать. Вы пока можете отдохнуть, по окрестностям пройтись. Вот ключ от моей избушки, второй у меня. Еда в холодильнике, берите, не жалея, только алкоголь – не надо, его нам сейчас нельзя ни в коем случае. Никаких контактов и старых сведений о вас в интернете не должно быть. Одежда на вас – провинциальный ширпотреб, просто и неброско, а мы же не разведчики, чтобы маскироваться? Вот для начала возьмете рубахи из настоящей крапивы в полународном стиле... Телефон положен только одному – ассистенту. В прудике можно купаться. Кстати, вон в том домике, через две дачи от нас, живет полупарализованная женщина с внучкой-инвалидом. А в конце улицы в крайнем домике...

Видимо, Владимир не просто так указывал Игорю на тех, кто нуждался в применении его способностей. Это поняли и Антон, и Игорь, хотя обсуждать ничего не стали. Но после того, как машина Владимира скрылась за поворотом в конце улицы, Игорь отправился к первому из указанных ему домов.

Однако, подумал он, а если бы его спросили: что есть свобода?

Свобода есть радость понимания мира. Ты можешь вместить в себя весь безбрежный мир, все его грани и пространства, если полюбишь его. Ибо человек существует в том, что он любит. Лишь тогда он становится раковиной, вмещающей в себя всю музыку мира: шепот набегающих на берег волн, шелест предутренних звезд, дрожание далекого огонька и первый крик младенца... И тогда рождается ощущение, что музыка эта – единая гармония, одно созвучие, разливающееся и вдохновенное. Понимание рождается любовью – только наполнен-

ный любовью к чему-то человек видит смысл в своих поступках.. А если ее нет – что толку в житейской мудрости, продляющей жизнь, в которой нет никакого смысла.

... Итак, он обладает уникальными способностями, но может удачно применить их не в каждом случае, повторил для себя Игорь. И еще: способности его сами двигают им, это течение несет уверенно и неостановимо, так что, пожалуй, следует отдаться его воле.

Тут он подумал, что и само движение жизни человеческого общества и его развитие лучше сравнить с течением реки. Только сила этого течения задается не внешними факторами: уклоном местности, притяжением планеты. А течет оно лишь благодаря движениям всех вошедших в эту общую реку разноликих человеческих существ. Каждый из людей, утверждаясь, вносит вклад в ускорение этого общего течения, старается подняться как можно ближе к недостижимой иллюзорной поверхности потока. И каждый вынужден двигаться, чтобы не оказаться сбитым с ног движениями других и засыпанным придонным песком раньше времени.

Но иногда тебя захватывает и поднимает какая-то свежая и нежная струя этого потока, надо лишь держаться в ней изо всех сил.

Странное оживление увидел Владимир возле своей дачи, подъезжая к ней в послеобеденный час. У ворот стояло несколько человек, Антон что-то говорил им, Игоря видно не было.

– Ты что за человека привез? – переключился на Владимира один из стоящих здесь его соседей по даче, которого все друзья за глаза и в глаза звали Женей-Извращенцем. Приклеилось к нему это прозвище недавно по вине его же самого, рассказавшего о произошедшем с ним. Однажды лег он в клинику подлечить почки, а заодно избавиться, как пообещали ему там, от замучившего его геморроя. В первый день лечения весьма милостивая обольстительно улыбающаяся медсестра спросила его нежным голосом: «Презервативы, надеюсь, вы не забыли взять?» Евгений сделал мужественное лицо, затем торжественно улыбнулся, сделал попытку обнять симпатичную почему-то запавшую на него медсестру и вкрадчиво произнес: «К ночному дежурству – будет все!». Молодая женщина отстранила его руку и таким же нежным голосом объяснила его заблуждения: «Презервативы надо к массажным процедурам в шесть вечера. Вас не предупреждали? А будете приставать – мой муж вас зарежет. Он хирургом работает». Евгений вспомнил, что его, действительно, просили взять с собой презервативы для «пальчикового» массажера, на который надо, как на боевого коня, садиться в ходе битвы с геморроем. Он хлопнул себя по лбу, позвонил товарищу, ничего не объясняя, попросил того срочно привезти побольше презервативов.

«А Женя не промах! Только устроился там – сразу ему презервативов давай, да побольше! Мне бы такое лечение!» – подумал товарищ и, стараясь помочь другу, купил презервативов «поприкольнее». Сверток с презервативами Евгений передал той медсестре, не разворачивая. Развернула она сверток только перед началом процедур. «Сам извращенец, а еще к дамам пристаёт!» – высказала свое возмущение медсестра Жене, натянув на массажер презерватив с огромными усиками, фыркнув и уйдя из палаты на время сеанса интимного лечения...

Владимир вышел из машины, но не стал общаться со знакомыми в привычном дружеском тоне.

– Узнаете. И вы, и другие – все скоро узнают. Потом все вопросы, оставьте нас сегодня, пожалуйста. Приходите завтра утром.

Игорь сидел один в доме.

– Я чувствую, что не могу говорить сразу с несколькими. А они пугаются и начинают сразу соседей звать... – как будто оправдываясь, сказал он.

– Ты все на редкость правильно чувствуешь! А неизбежность и необходимость обеда чувствуешь? Пришествие пришествием, а обед по расписанию, – весело произнес Владимир, доставая продукты из сумки.

– ... Позволь дать несколько советов, – продолжил он за обедом. – Первое: молчание тоже может быть красноречивым. Ты не должен никому ничего объяснять, оправдываться и что-то придумывать, лучше промолчи. И вообще: никто никому ничего не должен, никто ничем никому не обязан! Больше, чем на час, никто не нужен и крепче, чем взглядом, никто не связан! Пусть воображение людей само дает ответы на их вопросы. Оно скажет больше! Второе: спешка нужна при ловле блох, а вид бегущего генерала вызывает смех или панику. Так что никогда ни в чем не торопись. Третье: с толпой говорят не так, как с одним человеком, у нее другие инстинкты. Перед толпой можно признаться в ошибках, даже покаяться в чем-то, но боже упаси уступить ей в чем-то – раздавит сразу же. Можно не ставить себя выше ни одного человека, но ставить себя выше толпы этих человек надо обязательно! А раз ты выше этой толпы – ты должен ею управлять.

– Есть книги по толпоуправлению? – спросил Антон.

– Есть, конечно. Но нам читать их, пожалуй, некогда. Мы предпочтем учиться у практиков. Сразу скажу про общие правила работы на публику: жестикуляция, логичность, самоуверенность и четкость голоса. А детали каждый вырабатывает для себя. К тому же толпа должна сначала узнать того, кто ее будет собирать, потом уже увидеть его вживую. Так что перед тем, как выйти сам к людям, пусти известие о себе.

– А если у Игоря не получится пыль в глаза пускать? – забеспокоился Антон.

– Если бы мне нужен был пылепускатель, я бы его тут легко нашел, а не к вам ехал. Разберемся, как правильно с максимальной пользой использовать уникальный дар, который имеется. Сразу условимся: пока – никаких развлечений, женщин, даже спиртного, никаких разговоров по душам о себе с кем бы то ни было, никаких просторечных выражений. Подготовимся к выходу на публику.

– И с чего начнем?

– С наглядных иллюстраций.

Вечером втроем на автомобиле отправились на просмотр иллюстраций. Владимир привез к какому-то украинному Дворцу культуры. В здание стекались люди, большей частью женщины и пожилые. Афиша гласила, что через несколько минут начнутся «Беседы о вечности прорицателя Святослава», вход на которые бесплатный. Они прошли в зал, уселись на последнем ряду.

– Святослав – это псевдоним такой, по образцу попсового горлодера? – спросил Антон у Владимира.

– Нет, довольно удачное имя было на самом деле в паспорте. Менять не пришлось. Работает на сцене он у меня около года. Начинать на вокзале. Когда я его впервые там случайно встретил, в нем чуть душа держалась. Но народ к нему тянулся! И даже милиция не трогала: пару раз его патруль хотел забрать, он такого наговорил им, что сразу отстали. Но потом все расскажу, как у меня бизнес со Святославом пошел.

– Я должен стать его подобием? – произнес Игорь.

– Боже упаси! Все подобия в этом мире безнадежны. Но смотри на манеру держаться, приемы удержания внимания зала, работу со зрителем. Подумай, что людей удерживает в зале и заставляет приглашать сюда своих знакомых.

На сцену к стоящему микрофону вышла женщина средних лет с отрешенно-тоскливым взглядом, сделав молчаливую паузу, заговорила о том, что провидец Святослав – явление уникальное в мире Божьем и сама благодать, открывающая нам глаза, которая снизойдет на каждого, укрепившегося смиренным пониманием слов его. Свои истории произнесли и несколько очастливленных провидцем товарищей.

Когда же вышел сам прорицатель, Игорь и Антон обменялись разочарованными взглядами: вместо ожидаемого ими седовласого колоритного старца с просветленным взором и доб-

рым рокочущим голосом волхва появился безбородый худой темноволосый мужчина. Внешность явно не соответствовала имени. Одет мужчина был в обычный темный костюм. Взгляд его был острым и перебегающим с одного человека, сидящего в зале, на другого. Но голос был четким.

– Каждый из нас пришел из вечности и вернется в вечность, день его – это миг между вечностями. Кто знает, насколько он близок к вечности? Вечность, приближающаяся к каждому, уже вершит суд свой. И с ужасом узнаешь ты тот миг, когда коснется она тебя и отрешит от дел земных в наказание. Каждый уйдет в вечность, потому что каждый достоин наказания. Зло, совершенное семи поколениями предков человека, смотрит на него из вечности. И зову вас: познайте со мной то, что глядит на вас и судит вас...

Взгляд Святослава по-прежнему пронизывал одного человека за другим, на лице не выразилось никаких эмоций, но руки его словно гипнотизировали, в такт словам указывая плавными движениями на главное в каждом предложении, в каждом тезисе речи. Казалось, говорящий дирижирует сидящим в зале людям, заставляя их согласно кивать головой и запоминать самые яркие из выражений. Речь была плавной, текла неостановимо. Провидец излагал свое учение о воздействии на человека вечности, которая выпустила его из себя прожить жизнь, но следит за ним, посылая ему горести и радости по мере заслуг и грехов его самого и его предков.

– Говорю вам истинно: нет ни одного поступка человека, укrywшегося от вечности. И кто из предков должен держать ответ за наступившие вас несчастья и отведенное вами горе – вам неизвестно, – говорил провидец. – Но открывается тайное немногим. Откройте и вы глаза на угрожающее вам. Ибо вечность смотрит на вас, всегда готовая поглотить обратно, и воздает каждому то, что принесли в эту вечность семь колен предков его. Знаю и вижу, что каждый обречен, но каждый может и во всеоружии встретить грядущие к нему беды...

Речь его становилась все быстрее, порой прерывалась, немного путалась, но слова срывались по-прежнему одно за другим. Святослав сам вдохновлялся от возможности говорить. Быстроту и вдохновенность речи нельзя было объяснить только актерским мастерством, создавалось впечатление о сверхъестественных способностях говорящего. Или о том, что речь заучена, как молитва, или о том, что говорящий имеет манию преследования какой-то навязчивой идеей. В зале воцарилось тягостно-испуганное ожидание.

Но речь провидца оборвалась неожиданно, и в ту же секунду на сцену вышла, видимо, стоявшая наготове та женщина. Она кивнула говорившему, и тот усталое ушел со сцены.

– Пока Святослав готовится к непосредственному общению с вами, я тоже подготовлю вас. Да, действительно, каждый из нас обречен, со Святославом не поспоришь. Но то, что совершает этот человек, практически всегда объясняется только чудом. Поэтому даже те, кому он помог отвести от себя несчастье, иногда малодушно отказываются верить в свое спасение. Но чудо случается с теми, кто обращается к Святославу, с теми, кто не раз приходит за словом его, – со вздохом произнесла она и посоветовала лучше узнать о провидце с помощью написанных исследователями феномена Святослава книг, содержащих его проповеди и описания явлений чуда провидения. При этом объяснила, что прочитать книги следует уже ради того, чтобы знать, как обратиться к провидцу на следующем сеансе. Потом начала читать снова записи благодарностей от тех, кто был спасен от ужасных несчастий пророчествами Святослава, и рассказывать об известных ей случаях ужасных несчастий с людьми, проигнорировавшими пророчества.

В зале между тем всю шла торговля. Несколько женщин с покрытыми платками головами обходили зрительные ряды с кипами товара.

– Да, это вам не у бабок отложенные на похороны деньги выманывать, сотрудником соцстраха прикидываясь... – сдержанно прошептал Игорь, – Кто такие книги пишет?

– Кто умеет, тот и пишет. Специалисты находят, только плати. Окупаемость всего проекта есть, хотя не такая уж большая, – тихо ответил Владимир.

Спустя несколько минут торговля чуть поутихла. Прямо в зрительный зал вошел сам Святослав, нервно прошагал с края от зрительных рядов, резко остановился, метнул взгляд на, казалось бы, первого попавшегося человека, протянул к нему руку и заговорил:

– Прадед твой совершил грех отступничества от друга своего в молодости. Не искуплен грех этот совершившим его, и наказание грядет на два колена в роду отступившегося! И есть тот, кто рад будет посмеяться над согнувшимся тебя проклятием, вырвавшимся из чрева вечности! И есть те, кто рад призвать на тебя эти наказания за грех, свершенный не тобой!

Провидец продолжал говорить о наличии злопыхателей, уже подняв вверх обе руки, вытянув пальцы по направлению к почему-то прослезившемуся объекту его речи, которым был согнутый годами седой и очень худой мужчина с молящим виноватым взглядом. Ладони говорившего мерно двигались, словно расставляя акценты во всем сказанном.

– Есть, господи, есть такие... – зашептал пожилой человек.

– Но есть сила, способная разорвать их связь с вечностью и освободить род твой от проклятия, наложенного на предка. И коли сила эта есть у меня, я освобождаю тебя! Прими в руки освобождение свое и знай, что недруг твой, притянувший несчастья твои и готовивший сошествие на тебя проклятия – тот, кто сгинет мгновенной смертью не позже, как истечет год с секунды этой. Прими в руки предвидение мое, и да обменяемся добрыми подаяниями друг другу...

Провидец вырвал взглядом уже через секунду другого пациента – молодую женщину в старой и очень бедной одежде, начал говорить об каре за не рожденных ее матерью детей, которая грозит ребенку этой женщины, пусть, может, и не родившемуся еще. Стал утверждать, что несчастье, которое пережила женщина в минувший год, было predetermined еще до жизни ее. Что есть возможность спасти потомство женщины, если возблагодарить господина за предвидение, разорвать отношения с теми, с кем сейчас общается женщина.

– И не позже как в ближайшие дни спросят тебя: готова ли ты отправиться вслед за теми, кто рядом с тобой? «Нет!» – отвечай им и замкнись в уединении, иначе свершится непоправимое для потомства твоего, – пророчествовал Святослав, словно заряженный какой-то энергией.

Он переходил от одного человека к другому, сковывая внимание зала не столько словами, сколько сосредоточенностью движений рук. Кое-кто из сидящих в зале утирал слезы, были и те, кто тихо покидал зал, не рискнув, видимо, познать, какой ужас грозит им из вечности. В зале появились тем временем снова те женщины в платках, которые, не отвлекаясь на вещание пророка, проходили по рядам, в обмен на брошюры собирая пожертвования на «спасительное служение людям провидца Святослава». Пожертвования сыпались в их сумки.

Неожиданно Святослав встретился взглядом с Игорем, воздев руки, метнулся в его сторону.

– Друг мой, сама вечность смотрит на тебя, и ты само воплощение ее! И не спасись от ее взгляда, можно только самому посмотреть на нее!

Прорицатель, видимо, сильно устал от испытываемого им нервного возбуждения и сосредоточенности. Он на несколько секунд замолчал, учащенно дыша и словно собираясь с силами. Но в этот момент Игорь встал и подошел к нему. Остановился, положив руку на плечо, и, глядя в глаза, произнес:

– Не бойся. Если смерть неизбежна, что изменится от нашего страха перед ней? Даже если все вокруг боятся смерти, никогда не задумываясь о ней, ты всегда помни о ней, но никогда не бойся.

Святослав сразу сник, пропало все его возбуждение. Перед Игорем стоял обычный растерянный человек со смущенным взглядом и повисшими руками. Совсем негромко Игорь сказал еще раз:

– Я освобождаю тебя от страха. Страх – словно сон. Проснись. Тебя ищет не вечность, а твои родные.

Игорь убрал руку с плеча Святослава, вышел из зала на улицу. Прорицатель окинул зал растерянным взглядом, тоже ничего не говоря, ушел за кулисы.

– Вот те раз! – прошептал Владимир и, забыв обо всем, побежал следом за прорицателем. Сидевшие в зале проводили взглядами их обоих, испуганно завертели головами.

– Похоже, кина не будет, киномеханик в отпаде! – заключил для себя Антон и пошел следом за Игорем.

Навязчивое ощущение обреченности любого живого существа, зряшности его жизни и ничтожности перед лицом смерти пришло к Святославу после того, как он побывал, проводывая знакомую, в онкологическом отделении областной больницы своего сибирского города. В сознании надолго запечатлелся образ этой девушки, казалось, как раз такой, какую бы смог полюбить и обаять довольно нерешительный в общении с противоположным полом Святослав.

– Полная безнадега, – сказал о ней в своем кабинете старый врач в ответ на вопрос о перспективах лечения, – основная опухоль на всем мочевом пузыре, метастазы в лимфоузлах, печени. Развитие опухоли быстрое, скрутит полностью месяца за полтора максимум.

Врач со вздохом добавил:

– А мы ей этого не говорим! Впрочем, нам тоже никто не говорит, что мы помрем, а ведь помрем... Правда, нам неведомо приближение нашей смерти, так ведь и ей пока тоже... А может, про нас наверху, – врач направил в сторону неба палец, – так же, как мы про нее, все знают? Н-да, вот в чем вопрос...

Минутное философствование бывшего хирурга неожиданно врезалось в память. Святослав стал часто ловить себя на мысли, что встреченные им люди еще не знают о скором и мучительном завершении своего пребывания в жизни, а какая-то высшая инстанция уже дала на это молчаливое согласие. Он стал вдруг панически ощущать всю хрупкость органической жизни и необъяснимость наукой всех ее тайн.

Как странно, размышлял он, какие-то древние неуклюжие ящеры-динозавры, ворочаясь в тине посреди древопапоротников, были так же точно смертны, как та девушка, и даже, пожалуй, более защищены от смерти панцирем из роговых пластин... Зачем же такую огромную гамму чувств может отражать весенний взгляд девушки, если жизнь ее так же хрупка и быстротечна, как жизнь первобытного ящера с мозгами размером с ноготь? Какой смысл в трепете, отчаянии и восторгах человеческого существования, если все это может исчезнуть в следующую же секунду, как жизнь лопнувшей под колесами машины лягушки?

Шли годы. Приходилось видеть, как смерть приходит к ничего не подозревавшим о ее приближении родным и знакомым. С ужасом ощущая всю незащищенность живой материи и не находя иных оправданий для того, чтобы живой и полный сил человек в считанные месяцы или секунды превращался в кусок разлагающегося мяса, Святослав стал все чаще думать о том, что, смерть – это явная плата за чьи-то ужасные грехи. Вероятно, за грехи предков, чьи приметы заметны в характере и поступках потомка.

Он стал болезненно чувствовать, что существует еще какая-то связь с предками, кроме физиологического наследования, отказываясь верить в то, что невидимый глазу сперматозоид может нести себе коды к такому огромному количеству склонностей, предрасположенностей и прочих свойств человеческой природы. Несоответствие краткости и хрупкости жизни одного индивидуума и вечности и обновляемости течения всей биологической жизни на планете потрясало его своей жестокостью.

Размышления углубляло одиночество его взрослой жизни. Все чаще он стал просыпаться среди ночи со стучащей в голове мыслью об обреченности жизни уже от того, что нет в ней никакого особого смысла. Казалось, сама вечность заглядывала в окно, чтобы испугать маленького человека своим безжалостным взглядом.

Однажды он не удержался и начал говорить об этом. «О чем задумался?» – спросил его как-то коллега по работе и был напуган словесным потоком, вдруг полившимся от Святослава. Тот залпом выговорил все терзавшие его мысли и осекся, почувствовав, что говорит слишком долго и горячо. В дальнейшем он сохранил такую манеру «выговариваться» и всегда неожиданно осекался минут через десять с чувством неловкости.

На работе заметили странности в поведении Святослава. Кто-то предложил ему обследоваться у врача. Это вызвало у него испуг, как будто кто-то собирается отнять все то, что он с таким трудом вынул. Ему захотелось делиться своими мыслями с другими, пока еще не поздно... Видимые им скопления людей до боли обостряли это чувство. Без цели шагая наедине со своими мыслями по городу, он оказался на вокзале, где начал вести речи перед сидящими в зале ожиданиями людьми. Спустя какое-то время он, уже сам плохо понимая, как это вышло, оказался в идущем в Москву поезде.

В Москве его тоже манили к себе вокзалы, где люди, как казалось Святославу, ждут чего-то большего, чем приближение времени посадки на поезд. Он стал стараться достучаться до каждого, кто обращал к нему лицо. Боясь людей и неожиданно осознав, что от любой агрессии защищает ответная агрессия в форме предсказаний угрозы и обещания ее предупреждения, он говорит как предсказатель и провидец.

Через несколько дней после своего появления в Москве он попался на глаза Владимиру. Случайно проходя мимо, тот остановился и внимательно стал слушать свежеиспекшегося провидца. Почувствовав, что провидец говорит то, что с трудом хранит в себе, а не играет свою роль по одной из разработанных схем, как это делают чаще всего цыгане, промышленяющие подобным ремеслом, Владимир сразу предложил Святославу проехать с ним, выразив величайшую заинтересованность пророчествами.

Стоявшая недалеко от Святослава пожилая страшноватая на лицо цыганка в огромном разноцветном платке решила, что мимо идет богатый по виду клиент, купившийся даже на такого бездарного по сравнению с нею болтуна. Когда Владимир со Святославом проходили мимо, она сделала шаг навстречу им, с усталым устремленным вдаль взглядом спросила:

– Который час, скажи, добрый человек.

– Двенадцать, – быстро и вежливо ответил Владимир.

– Хороший ты человек... – с призывом и жалостью произнесла цыганка.

– Спасибо.

– Но враги твои не дремлют. Это они... – с участием в голосе начала разыгрывать один из вариантов работы с клиентами цыганка.

– Хрен на них! – отрезал с улыбкой Владимир, даже не подумал замедлить шаг и потянул за рукав Святослава.

– Как это – хрен? погоди, я все так скажу, без всяких денег... – опешила, но сделала еще попытку остановить клиента цыганка. Но тот не обернулся и уже ничего не слушал.

Помощники Владимира взялись за дело со Святославом довольно профессионально. И уже через несколько дней после встречи с Владимиром на вокзале тот вышел для работы в зале. Доход коммерческая деятельность по провидению угроз из вечности стала приносить стабильный, хотя и не слишком большой.

И все бы ничего, но желаемого удовлетворения Владимиру такая «продюсерская» деятельность опять-таки не приносила. Во-первых, выпускать своего актера на «молодых и богатых» было весьма рискованно. Платила дань только клиентура, близкая уже по своему возрасту к погружению в вечность, реально чувствующая за плечами груз времени и житейских грешков, не удовлетворенная сопутствием удач. Во-вторых, Святослав нуждался в постоянном присмотре и уходе. В-третьих, бизнес этот не мог быть долговечным: надо было свернуть бизнес раньше того момента, пока цепко держащее Святослава откровение не погнало его в кру-

тое пике. По-человечески Владимир хотел отправить провидца на лечение все-таки до этого момента.

Владимир ждал, подыскивая замену Святославу. Но окончание карьеры провидца наступило внезапно и совсем не так, как все этого ожидали.

После нескольких слов подошедшего к нему Игоря этот человек, державший в панически-восторженном состоянии весь зал, ссутулился, поплелся за кулисы, но потом повернул и вышел на улицу вслед за Игорем. Когда его догнал Владимир, он спрашивал у Игоря:

– Что со мной было? Я, действительно, словно проснулся.

– Ты слишком боялся смерти – это было видно по твоему лицу.

Но, может, как раз краткость жизни заставляет искать во всем смысл и быть мудрыми и веселыми? Бессмертному это незачем делать. Так что будь благодарен за краткость твоей жизни. Мне кажется, больше всего радоваться жизни может как раз тот, кто чаще думает о смерти.

Подошедший Владимир сказал:

– Святослав, люди ждут вашего слова.

– Наверное, они его больше не услышат, – просто ответил тот и даже с улыбкой.

– Нет, ну это круто ты даешь! Бац – и готово! – только и смог оценить Игоря Владимир.

Впрочем, он не был крохобором и не расстроился от того, что потерял часть доходов в связи с отставкой провидца. Наоборот, подумал он, это – к лучшему. Надо начинать по полной раскрутку настоящего таланта, а не делать деньги на последних шоу с человеком не в себе.

– И что мне сейчас делать? – спросил Святослав.

– У тебя же есть какие-то родные?

– Да, сестра есть, тетка.

– Езжай к ним, иди к врачам, чтобы помогли подлечиться. И живи-радуйся. Я сейчас распорядюсь, тебе возьмут билет на поезд, привезут к вагону, посадят, без денег не уедешь. Что-то еще?

– Наверное, нет, – сказал Святослав. И добавил, взглянув на Игоря, – Впрочем, я, возможно, вернусь.

Владимир уже не слушал, захваченный новой возникшей у него мыслью. Если Игорь так легко остановил продажу иллюзий человеком, мучимым навязчивой идеей и даже впадавшим в краткосрочную эйфорию на проповедях... То что будет, если «натравить» его на другого, более ясно осознающего свою деятельность профессионала по продаже иллюзий? Однако, заключил Владимир, завтра вечером будет интересно! Да и утром, возможно, тоже...

– Спишь, всемогущий? А за воротами стоят уже те, кто готов поклониться тебе! Только даров в виде жареного барана что-то не видать, к сожалению, – заглянул в комнатку Игоря утром Антон. Владимир уехал очень рано, дав Антону некоторые наставления. А за воротами уже терпеливо ждали несколько человек. Владимир не ошибся во вчерашних прогнозах: любопытство пересиливало в людях первоначальный испуг. Начало ловли человеков было уже сделано вчера, первые пойманные сами помогали раскидывать сети.

– Иди в беседку, я сегодня буду приглашать по одному любопытствующему, – предложил Антон и добавил предусмотрительно. – Предупрежу, что никаких гарантий не даем, от глистов не лечим.

Игорь прошел и сел в небольшой беседке, сделанной под ветвями старой сосны. Утреннее солнце пронизывало тонкими лучиками чуть шевелящуюся от легкого ветра хвою.

Первой к Игорю подошла женщина немолодых лет и просто сказала:

– Я вчера не хотела с вами говорить. А сегодня могу послушать.

Что в ней есть такого, за что ее можно жалеть и любить? Вечно вздорная с сослуживцами в своей конторе и вечно преследуемая ощущением, что жизнь дает что-то хорошее лишь

для того, чтобы снова отобрать и причинить боль... И что вообще – все могло быть не так. Вот мать, например, воспитывавшая ее одну, могла бы когда-то удочерить тогда ей в сестры дочку своей умершей сестры, но ведь не сделала этого. И возможная сестра оказалась в детдоме, после которого сгинула где-то, прибываясь то к одной, то к другой компании. А ей так не хватало сестры в школьные годы, когда ее отчаянно дразнили! Она спустя годы спросила мать: почему так? Мать ответила удивленно: я ж поступила так, как и принято тогда было! Государство-то зачем с его детскими домами?! Возьмешь ребенка, а его хуже того затравят в школе приемышем... Так и укрепилось возникшее еще в детстве вечное чувство того, что правильные поступки в угоду общественному мнению никогда не принесут ничего хорошего. А люди злы и глупы, сочиняя правила, по которым живут...

– Вы вчера совершенно зря спорили с соседями, – начал говорить Игорь. – *У каждого из них тоже есть своя боль. И если не получается любить их за силу и красоту, остается жалеть за слабости их и несовершенства. И в ответ на умение жалеть и должно открыться какое-то понимание человека.*

– А зачем мне их понимать?

– А какой смысл спорить с теми, кого не понимаешь?

Женщина удалилась, обескураженная необычностью приема.

Следом к прошли еще несколько человек. С каждым Игорь беседовал всего несколько минут, не делая никаких установок и кодирований, привычных в работе экстрасенсов и прочих народных целителей. Те, кто выходил после беседы с Игорем, или с усмешкой, или молча совали в руку Антону бумажки денег. Хотя некоторые тут же доставали телефоны и предлагали знакомым пройти любопытную процедуру. Лишь один удивленно уставился на Антона и прошептал:

– Надо же... Я как с самим собой поговорил сейчас впервые в жизни. В чем всю жизнь признаться себе боялся – то он и сказал. Я даже больше скажу: вот полчаса назад сюда это не я заходил, я собой себя чувствовать стал только сейчас. Всю жизнь строил из себя черт знает что... Это вроде как... сама истина. Надо верить, иначе вечно обманываться будешь.

«Надо же, я, как святой Петр, стою у ворот рая перед грешниками! Как бы не осрамиться непотребными словесами и телодвижениями!» – подумал Антон и решил, что необходимо сделать паузу. Все-таки Игорь, наверное, уже устал, надо дать ему отдохнуть, да и для пациентов будет полезно подождать приема.

Он закрыл калитку и увел Игоря обедать и отдыхать в дом.

А хозяин дачи появился опять почти под вечер. Антон вывалил ему из кармана все, что получил от тех, кто заходил утром на его дачу. Владимир посмотрел на кучку разноцветных бумажек.

– Ну что ж, начинать можно и с этого, – сказал он. – Но надо определиться, с чем мы будем выходить на эту публику.

– Я не представляю такого, – возразил Игорь.

– А мы сейчас как раз съездим, получим еще одно наглядное представление. Готовься: откушаем и отправимся на службу в церковь. Да церковь не простую, а Церковь Николая Ростовского!

Николай Ростовский получил свою звучную фамилию в детском доме, куда был подкинут совсем младенцем. Мать, скорее всего скрывавшая беременность перепуганная малолетка, не оставила в пеленке записку с именем и фамилией ребенка, хотя бы выдуманными. В таких случаях малышам давали имя и фамилию в детдоме, и та воспитательница, до которой дошла очередь называть нового подкидыша, дала ему фамилию по ее родному городу.

Видимо, из-за того, что рос он в роддоме, зная о том, что является подкидышем, у него сформировалась постоянная жажда чуда. Он жаждал, что в любой момент может открыться

дверь и войдет его мама, которая вернулась к нему и заберет в настоящую счастливую семью. И у него будет отец, который научит мастерить что-нибудь. Или вдруг обнаружится, что он похищенный и спрятанный врагами сын какого-то секретнейшего разведчика, который все равно найдет его, стоит Кольке только чуть подрасти. Или вдруг у него появятся невероятные способности, с помощью которых он легко усмирит своих обидчиков.

Он непрестанно держал в себе эту жажду, скрывая ее от других и проявляя лишь в буйной игре фантазии в разговорах со сверстниками. И ненасытность по чуду приносила ему почти физические постоянные страдания от того, что жизнь проходит совершенно зря. С годами эта жажда чуда стала меняться: взрослея, он все больше ждал свершения чуда уже не извне, а от самого себя. Николай, ставший молодым человеком, слишком часто увлекался игрой воображения, представляя, как он вдруг щелчком пальцев заставляет смеяться грустного человека или одним взглядом двигает предметы и приводит в ужас всех окружающих. Ему казалось величайшей несправедливостью со времен сотворения мира то, что он не может сотворить хоть что-нибудь невероятное. Это ощущение было столь нестерпимым, что казалось, вот-вот этот нарыв прорвется и в мир брызнет что-то назревшее в Николае. Или чудо будет-таки даровано свыше за все его годы ожидания.

Замкнутый в себе, он не нашел в молодые годы пары для семьи, стесняясь общения с девушками. В разговоре с ними имеющий низкий рост и грубые черты лица Николай всегда был ужасно неловок и казался сам себе полным тюфяком и уродом в глазах противоположного пола. Вот если бы он мог удивить чем-то сногшибательным, неестественным... На работе он был тихим, незаметным исполнителем, который никогда не нервничал и не повышал ни на кого голос. Досуг в своей крохотной квартирке Николай проводил скучно и серо, не питая страсти к алкоголю, не имея шумных друзей и каких-то увлечений. Какой интерес может быть в жизни, если ты не можешь совершить чуда?

А чудо вдруг свершилось, когда Николаю уже перевалило за тридцать.

Однажды он в отвратительном настроении возвращался в свою пустую комнатку с работы сумрачным осенним вечером через запустелый парк. Ветер гнал почернелую листву и кидал в лицо сырые хлопья первого снега, словно хотел сказать, что надо принять с отвращением правду о том, что лето не вечно. Пара то ли подвыпивших, то ли обкурившихся высоких подростков увязалась за ним. Один шел сзади, другой забегал спереди и заглядывал в глаза, диковато хохоча и подвывая:

– Дядька, дай закурить! Дай сигаретку, дядька! У, жадина! Я знаю, что куришь, если маленьким вырос... Ну дядька...

Вдруг чувство мерзости захлестнуло Николая, и в совершенно иступленном состоянии он впервые в жизни дико закричал, срывая голос:

– Да что ты за дрянь такая, посмотри на себя! Что, смешно? Смейся, сволочь!

Шедший сзади подросток ускорил шаг и вдруг замер, ошалело открыв рот, уставился на первого. Тот стоял навытяжку и, нервно дергая головой, бестолково смеялся блеющим смехом, как умалишенный. Николай резко повернулся ко второму подростку, который стал шарить вокруг себя глазами в поиске какой-нибудь палки. Нападать сразу без какого-то орудия в руке в одиночку он уже не решился. Привычка подсказывала взять выбранную жертву испугом, заставить ее побежать, а там уже поиздеваться вдогонку или сбить с ног.

– Ты чего сделал с ним, му... – не придумав ничего другого, начал демонстративно «взводиться» подросток, отводя для устрашения в сторону и назад одну руку, а вторую засовывая за пазуху, словно собираясь что-то достать.

– Стоять! Смирно стоять! – заорал во всю силу голоса Николай, которому какой-то внутренний голос подсказал, что нельзя выходить из этого иступленного состояния. Второй подросток вытянул руки вниз, открыл рот и перепуганно захлопал глазами.

– Чего, собачкой бежишь, чтоб сзади тяпнуть? – продолжал орать Николай. – Сам затыкал? Тявкай дальше! На колени, быстро! Ты тоже на колени, урод курящий! Бегите, тявкайте!

И он пошел дальше размашистым нервным шагом по парку. «Только бы скорее дойти до людей», – думал он, боясь оглянуться. Когда же он вышел к автобусной остановке, все стоящие здесь люди остолбенели при виде скачущих за ним на четвереньках и гавкающих по-собачьи подростков-переростков. Одна маленькая девочка заплакала, уткнулась в мамино пальто. Сильно нетрезвый мужичок, держащийся за фонарный столб, присвистнул:

– Ого, двух Маугли в парке нашли. А приручали чем, к-конфетками?

Николай остановился, постарался мысленно ввести себя в то же состояние безумной злости перед тем, как обернуться к скулящим сзади хулиганам. Воображение смогло нарисовать самое отвратительное из того, что могло бы случиться, не останься он в победителях.

– Встать, ублюдки! – резко обернувшись, завопил он. Люди шарахнулись в стороны, кто-то вскочил со скамьи. Подростки встали на ноги, устало дыша открытыми ртами, как собаки.

– Курить хочешь? Еще раз закуришь – будешь как козел травку щипать ползать, понял? Понял, я говорю? – проорал Николай в самое лицо кивающему в ответ изо всех сил первому подростку. Затем закричал сразу на двоих:

– Бояться надо, сволочи! Бояться вот такими стать, какими вы были! Еще раз пристанете к кому – будете собачью любовь изображать! А сейчас все – свободны! Пошли домой!

Подростки побрели в сторону, ничего не говоря друг другу – видимо, ужасаясь, что встреченный на их беду волшебник мог заставить их изображать прилюдно не только собачек, но еще и собачек в пору любви. Державшийся за столб мужичок всплеснул руками от изумления, потерял опору, плюхнулся на зад.

– Меня кодировать не надо! Я сам исправлюсь, я не запойный! – замахал он руками, когда Николай повернулся к нему.

– А вот у меня внук и пьет, и курит. Его бы надо вот так же воспитать, – подошла старушка.

Николай вышел из взвинченного состояния. Впервые в жизни его охватило полное спокойствие и довольство. Чудо свершилось, значит, смысл в жизни есть. В тесной серой комнате, в которой он жил безвылазно, оказывается, есть за ширмой дверь, за которой – яркий коридор неизвестно куда. Оказывается, он всего лишь боялся ощупать стены!

Он вырвал листок из записной книжки, записал номер телефона, протянул листок обратившейся к нему женщине.

– Позвоните, если тот будет согласен. Я попробую. Ничего не обещаю.

Позвонила она в тот же вечер. Приехав, Николай сначала поговорил спокойно с ее внуком, который оказался неплохим молодым человеком, слабым от наследства на алкогольную и никотиновую зависимость, от которых и рад был попробовать избавиться. Затем он мысленно распалил себя до состояния того нервного возбуждения. Почувствовав, что горло начинает перехватывать, он закричал из всей силы на первого добровольного пациента, ввел того в очень краткое гипнотическое состояние и сделал кодирование.

Ночь он почти не спал, с наслаждением глядя в окно на звездное небо и огни большого города. На следующий день решил сразу же попробовать свои новые способности, причем так, чтобы не быть смешным, если ничего не получится. Лучше всего, решил он, дожидаться случая. Поэтому когда в свой адрес как нельзя кстати он услышал довольно плоскую шутку от надоевшего ему своими колкостями коллеги, Николай резко повернулся к нему, закрыл на несколько секунд глаза и соответствующими мыслями ввел себя в нужное исступленное состояние. Заорав изо всей силы, он опять увидел, что тот, на кого направлен его крик, находится в полной его власти.

– Руки вверх! – кричал Николай. – Сесть-встать! Иди всем в конторе расскажи, как ты меня достал и поклянись, что больше не будешь! Вперед!

Мужчина, который был почти вдвое выше Николая, послушно бросился исполнять приказание. Контора их предприятия была небольшой, и поэтому подопытный кролик не попал после пробега по кабинетам в психбольницу, а с чувством выполненного долга продолжил работать. Спустя некоторое время после этого Николаю пришлось зайти к директору предприятия.

– Заходи, Николай, я тебе поручение приготовил, – приветствовал тот, затягиваясь сигаретой, и засмеялся. – Сильно доставать не буду, не так, как Василий. Что-то он тут прибежал ко мне, обещал, что больше пошлости свои тебе ни в жизнь не скажет.

– Это я ему велел, – спокойно ответил Николай, окончательно поверивший в то, что у него есть все возможности выбраться из серого угла, куда его засунула жизнь. И в то, что откладывать перемены в жизни совсем ни к чему.

– Чем ты его так испугал? – директор вскинул насмешливый взгляд, в который Николай совершенно спокойно уперся своим взглядом.

– Хотите, вас испугаю, чтобы вы больше никогда не курили?

– А давай.

Сидевшие в кабинете два заместителя директора усмехнулись и переглянулись. Николай снова на пару секунд закрыл глаза.

– Ну ладно... – начал было директор.

– Молчать! – раздался вопль подчиненного, – Курить – мерзость! Как навоз свежий жрать, такая же мерзость, понял?! Такая же по вкусу точно!

От криков Николая замы вскочили со стульев, собираясь в крайнем случае защитить начальника телами. Директор же застыл в нелепой позе, разинув рот, из которого выпала на стол дымящаяся сигарета. Николай замолчал так же неожиданно и сразу резко вышел из кабинета.

Директор пришел в себя, закрыл рот, шумно выдохнул воздух.

– Шиза косит наши ряды! – сделал вывод один из замов.

– А где Николай, что, ушел уже? – вдруг спросил директор. Замы удивленно уставились на него. Тот увидел лежащую перед ним на столе сигарету, поднял ее, настороженно принюхался и затянулся. В следующую секунду он зашелся в диком рвотном кашле, согнувшись за столом.

– Боже, что это за гадость? – еле отдышавшись, поднял голову прослезившийся директор. – Кто туда какого дерьма насовал?

Прислушивавшийся за дверью новоиспеченный мастер кодирования, торжествуя, потерял всякий страх и решил подыграть. Он медленно открыл дверь и вплыл в кабинет с плавной негромкой речью:

– Ты звал меня, сын мой, ты восклицал: «О боже!» Я отвечу тебе: ты больше не будешь курить по велению моему. Ибо яд табака я сделал ясным твоему вкусу. Очнись и живи счастливо!

Так же плавно Николай вышел за дверь.

Ничего не говоря, директор полез за второй сигаретой, подкурил ее, отбросил и снова зашелся в ужасном кашле, с омерзением отплеываясь от последних частиц дыма и вытирая рукавом губы.

– Обалдеть... – подытожил один из замов. Второй зам истово перекрестился.

А Николай-«чудотворец» тем временем, написав у секретаря заявление об увольнении «по причине сошествия на него Святого Духа», вышел из конторы в новую жизнь.

Он понимал, что может легко стать каким-то цирковым гипнотизером или целителем, избавляющим от алкоголизма. Но это показалось ему слишком скромной платой за годы тоски по чуду, да и превращать дарованное-таки чудо в ремесло не поднималась рука. К тому же желание скорее зарабатывать деньги не тяготело над ним. Умея рассуждать, он спокойно про-

считал все варианты и выбрал самый неожиданный из них, решив свое чудо не спеша превратить в чудо для других.

То, что называлось службой в Церкви Николая Ростовского, более походило на праздничную тусовку фанатов какого-то музыканта. Шум в основном молодых голосов и плавную музыкальную мелодию, льющуюся из динамиков, Антон с Игорем слышали еще издали, подходя к открытой концертной площадке в одном из небольших парков.

Молодежь пританцовывала, подпевая звучащей какой-то похожей на мелодичную молитву песне. Стояли, впрочем, люди самых разных возрастов, сгрудившиеся и в одну толпу, и кучками чуть на отдалении. На нескольких столбиках стояли ящики для сбора пожертвований. Люди о чем-то возбужденно говорили: видимо, одни, уже побывавшие на службах в этой Церкви, высказывали свои восторги другим. Никто не сидел на нескольких скамейках перед маленькой сценой, сколоченной из досок.

– Это что, службы только на открытом воздухе бывают? – спросил Антон, подойдя к группе молодых людей. Те очень приветливо заулыбались:

– Нет, снимают для них и другие помещения. Владыка здесь, в парке, только летом нам служит. А к зиме, может, и свое церковное здание будет. Если пожертвований наберется!

Добродушие и почтение к другим казались словно разлитыми в воздухе над этой толпой – все тут были какими-то восторженными, словно ожидающими близкого чуда. Словно ты попал на сходку хиппи образца шестидесятых годов прошлого века, которые посреди запутавшегося в страхе и ненависти, расколовшегося на части мира проповедовали, затянувшись косячком марихуаны, всепрощающую любовь и радость бытия.

– Владыка прибыл! – раздался восторженный девчоночий крик. Музыка резко переменялась на настороженно-тревожную, толпе передалось от нее восторженное состояние.

К площадке резво подкатил небольшой джип, из которого выскочил человек маленького роста с грубыми чертами лица, восторженным взглядом и улыбкой до ушей. Он быстро взбежал на сцену, вскинул руки вверх и восторженно закричал:

– Друзья мои, как я люблю вас!

Толпа ответила свистом и гулом. Некоторые стоящие с краю молодые люди даже запрыгали от торжества и нетерпения.

– Владыка, мы любим тебя! – раздался один голос, который сразу был подхвачен сотней других.

– Спаси бог вас всех! Да спасет вас любовь эта! – «владыка» словно набирался сил, в упоении управляя толпой, голос его становился все громче и отчаяннее. – Да спасетесь вы силой моей! Ближе, друзья мои! Ближе к силе моей! Разве не для вас я наделен ею, разве не к вам послан я?

Музыка звучала в такт настрою собравшихся, беря то отрешенно-высокие ноты, то снисходя до тихой мелодичности. «Владыка» стал говорить что-то восторженное про свои впечатления о погоде, жизни, людях и так далее. Казалось бы, нет ничего особого в речи невысокого человечка, но люди встречают его слова с таким торжеством, словно вот-вот увидят что-то невероятное. Вдруг тот переменял интонацию своей речи на прямо противоположную: устало-тревожную.

– Кто выйдет ко мне? Прошу и жду вас... – развел он руки и опустил голову.

Толпа восторженно взвыла. На сцену, неловко улыбаясь, поднялся молодой человек, тянувший за руку свою смущенную подругу.

– Владыка, мы поженились. Благословите!

Тот, к кому были обращены эти слова, не поднял головы и взгляда. Только руки его простерлись к молодому человеку с девушкой. Толпа затихла. Замерла и музыка.

– Любите! – вдруг раздался совершенно неожиданный дикий крик «владыки». – Друг друга! Навсегда! Я, я велю вам это!

Молодожены стояли с остекленелыми глазами, взявшись за руки и впившись глазами друг в друга. Взмах руки «владыки» заставил их качаться, словно они были дирижируемыми инструментами.

– А сейчас – поцелуй, который надо запомнить навсегда! Навсегда! И помнить, как самое святое! Целуйтесь же! Целуйтесь! Благословляю!

Молодые слились в поцелуе, обхватив друг друга за головы.

– Это – надолго! – торжественно провозгласил «владыка», поднял голову, повернулся к зрителям. Толпа взревела от восторга.

На сцену рванулись следующие «верующие», чтобы укрепиться в вере и еще чем-то, вплоть до борьбы с алкогольной зависимостью. «Владыка» принимал каждого, каждого вводил прилюдно в полугипнотическое состояние, давал какое-то наставление и благословлял. Вдруг музыка резко замолкла.

– Да соединит нас вера и молитва! – «владыка» поднял руки, и толпа затихла, а потом стала на едином дыхании повторять вместе с ним слова молитвы.

– Боже, даруй нам силы для каждого дня и укрепи нас для свершений наших. Не одни мы в мире, пока есть чем укрепиться нам, пока есть вера и тот, кто несет ее нам. Да сбудется все, что ты хочешь подарить нам, Господи, да будем мы достойны этого...

Молитва прогудела над собравшимися, и тихонько завелась музыка.

– Я не спрашиваю вас о грехах ваших! – заговорил один уже «владыка». Сначала речь его была тиха, затем голос возвысился почти до крика. – Не затем я послан к вам, чтобы копаться в темной стороне ваших душ. Забудьте и вы о грехах своих – я отпускаю вам их. Но будьте крепки и чисты духом – я дарую вам силу. Вы – избранные! Захотят вас унижить – улыбнитесь, захотят вас оскорбить – засмейтесь. Помните, что отныне вы сильнее и богаче тех, кто еще не прикоснулся к моей силе. Силе, которую я послан передать вам от любящего вас Господа! Пусть они завидуют вам!..

«Владыка» говорил свою проповедь еще несколько минут, затем снова стал «являть силу», демонстрируя кратковременное введение в гипноз, после которого люди приходили в неистовое ощущение всемогущества и ликования. Толпа тоже ликовала.

Владимир стоял рядом с Антоном и Игорем, улыбаясь и поглядывая на них, ожидая, что сделает на этот раз его протееже. Но тот тоже с улыбкой наблюдал за всем происходящим. Прошло около полутора часов представления, именуемого «службой в церкви Николая Ростовского». Закончил службу глава этой церкви так же резко, как и начал.

– Я люблю вас, друзья мои! Я благословляю вас! – снова крикнул он, склонив голову и воздев руки. Люди стали расходиться с просветлевшими лицами, опуская пожертвования в ящики для них. Стоявшие недалеко от «владыки» отступали от него, пятясь, не поворачиваясь к нему вблизи спиной. Когда вблизи основателя новой церкви никого не осталось, к нему шагнул Игорь.

– Мне кажется, вы сильно устаете за время своей службы. Она вам уже не приносит такой радости, как раньше, – тихо произнес он.

– Что тревожит тебя, друг? – тоже тихо начал отвечать ему «владыка», но усталость сжимала виски, так хотелось скорее забыться в алкогольном плену, что он резко перешел на свой гипнотический крик. – Что заставило тебя искать помощи у меня?!

– Не кричите, – ответил Игорь, – Пожалуйста.

Николай даже не поверил тому, что наконец нашелся человек, не подвластный его вводящему в оцепенение или эйфорию крику. Он замолчал, устало вздохнул, соображая, что делать дальше. Ничего не придумав, прошел с Игорем в ближайшее маленькое помещение, присел на скамью. Рядом сел Игорь.

– Что же ты молчишь? – спросил Николай после неловкой паузы.

– Простите, я не хотел вам причинять неудобства. Просто у меня сложилось впечатление, что вы уже устали от игры в свою церковь. Если вы ничего не измените, вас может скоро постигнуть большое разочарование.

– Я не играю.

– Все люди играют какую-то роль в общей жизни. Вы можете сказать точно, своя ли роль вам досталась или чья-то чужая?

– Я же не Господь Бог, чтобы знать это, – слабо улыбнулся Николай. Беседа занимала его, на самом деле ставшего уставать от роли главы церкви. Он сам сразу поверил в исключительность того, кто говорил с ним.

– Но ведь вы просите людей верить в себя как в бога.

– Я служу им, а не они служат мне. Я даю людям то, что им надо. Не будем циничными, но назовем все своими именами. Что надо людям? Веру в чудо, в свою исключительность по сравнению с другими и какую-то высшую справедливую силу, которая защитит от конца света. Даже если речь идет о свете в конце темного тоннеля, по которому все когда-то полетят. Без этого любой человек чувствует себя беззащитным и одиноким. Так что я стараюсь их обслужить по полной, чтобы получили все, чего ищут.

– Почему они не ищут этого в обычной церкви?

– Очнись, церковь мертва. Тех, кто в нее сейчас идет, совершенно не интересует, что там говорил Христос две тысячи лет назад. Им нужна чисто обрядовая сторона этого дела! И так – какой религии ни коснись! Искать смысл в религиозном учении хватает ума и терпения у единиц. Это ж надо все обдумывать, соотносить со своим опытом и так далее. А мир упрощается и времени на раздумья все меньше.

А я даю людям все, в чем они нуждаются, без особых умственных трудов с их стороны. Желаете верить в чудо – вот оно рядом, хотите стать исключительными – только руку протяните, да денежку поднесите, вас таковыми и объявят. Маловато мозгов, чтобы осознать мудрость одного религиозного учения – вот вам другое, попроще, где все правила четко прописаны. Нет толку познавать Бога – стучи башкой Идолу. Но тут я честнее других: на человеческой слабости не играю, жертв не требую, по возможности стараюсь как-то помочь. И главное: я людей из человеческого общества не выталкиваю, а даже наоборот...

– А вот эти молодожены – зачем они целовались?

– Милый мой, скольким людям не дано в жизни испытать великую любовь? Каждый второй сейчас разводится, едва пожившись. А они будут помнить этот поцелуй всегда как яркий момент великой любви и верить, что она их хотя бы на какое-то время посещала...

– А если они ошиблись, выбрав друг друга?

Они говорили всего несколько минут. Когда же Николай Ростовский остался наедине, он молча сел в машину, достал мобильный телефон и позвонил.

– Это Ростовский, – сказал он, услышав ответ. – Я сейчас встретил того, кто вам был бы интересен. Совершенно уникальные способности: он мгновенно вызывает человека на откровенность. Такое даже с помощью гипноза трудно сделать, а он делает это без гипноза. К тому же он вдруг назвал такое из моего прошлого, что знал-то я один, да и то позабыл уже. В общем, я не знаю, кто это такой, запомнил только номер машины, в которую он сел. Запишите...

Человек, который принял этот звонок, ответил скрипучим голосом:

– Мы примем к сведению.

Положив телефон, Николай зло чертыхнулся.

Странное дело – при всей, казалось бы, незначительности и краткости общения Игоря с приходящими поток их рос с каждым днем. Через несколько дней по утрам около ворот у дачи Владимира стояли уже десятки людей.

– Каков поп – таков и приход! – шутили по этому поводу Антон и Владимир. Но затягивать прием на целый день они не позволяли – есть для этого пара часов с утра, и все.

– Итак, нам пора определяться, с чем мы будем на народ выходить, как нам это сделать, и как мы будем пользоваться плодами своей деятельности, – начал строить планы Владимир спустя несколько дней, когда Игорь отдыхал после обеда. – Для начала давай решим, как тебя звать-величать: врачеватель душ и тел, ваше преосвященство, благодать ходячая или еще как-нибудь?

– Мне последний вариант кажется вполне соответствующим действительности, – высказался Антон. – Я бы звался охранителем благодати, а эти пришельцы – прикоснувшимися к ней...

– Да, но звучит, увы, не круто и поэтому не впечатляет. Надо звучное имя из одного слова, ярко характеризующее носителя. Например, Учитель. Но это уже не ново, да и учения четкого своего пока нет, а зря... Целитель? Таких вообще полно...

– Вдохновитель? – улыбнулся Антон.

– Звучит почти как Соблазнитель. Если тебя ориентировать на выпендюров, что в ночных клубах тусуются, то в самый раз. Сделать внешность и повадки диковатыми – сможешь иметь успех у той публики. Но до денег эти людишки жадные, если тратить надо не напоказ перед другими. Так что это не наши клиенты.

– Тогда – Пришедший! – Антон сделал театральный жест рукой.

– Чего уж не Пришелец? Уфологам понравится...

– А нельзя без псевдонима? – вмешался Игорь.

– Нет. Наши люди понимают так: псевдонима нет – значит, не заслужил его. Прозвище притягивает, как всякая тайна. А что если ты будешь Истец? Впрочем, глупо, мы в пока не в суде. Мастер? Прорицатель? Мессия? В последнем что-то есть...

– Может, тогда Просветленный, как Будду звали?

– На их языке это звучит лучше. На нашем – слишком мудрено.

– Светлый! Вот самое то! – крикнул Антон, – И романтично, и таинственно, и в духе времени! Скажешь: аз есмь свет, паки гоню тьму душевную!

После долгого спора, который вели в основном Антон и Владимир, остановились на этом. Составили примерный бизнес-план на первые месяцы, согласно которого Игорь должен достичь определенной известности в Москве, занять постоянных клиентов среди людей состоятельных, сформировать свою методику для работы на публике и так далее. В ближайшее время Владимир должен был оформить юридически фонд «Свет», чтобы их будущая свобода спокойно копилась в нем в виде дензнаков. Антону отводилась роль ассистента Игоря, его главного адепта. Составили письменный договор, согласно которому каждый из их троих мог рассчитывать на свою долю дохода.

– Господа! Впереди – год, за который мы должны стать свободными людьми! За работу! – торжественно провозгласил Владимир.

В этот же вечер он привез то ли какого-то блогера, то ли журналиста одного из интернет-изданий, согласившегося за умеренную плату каким-то образом преподнести обществу сообщение об Игоре Светлом вместе с фото, подав его читателям как феномен природы, которому нет равных по уникальности. Владимир провел его по нескольким соседям, с кем беседовал Игорь, потом ввел в свою дачу, представив:

– Господа! Вот столичная акула пера – Иван Сивобрюхов!

– Сиворуков моя фамилия. Здравствуйте.

– Пардон, пардон, а творческий псевдоним, кажется, у вас – Секстеррор? – пошутил Владимир.

– Нет, Трахтерман.

– О! Иван Трахтерман! Это звучит солидно! Хотя Иоанн было бы лучше...

– Я подписываюсь не Иван, а Иудей.

– Ну, это очень современно...

– Да, на всех светских тусовках – сразу всеобщее внимание, – с видом знатока сказал журналист, сделал несколько снимков, задал несколько несущественных неловких вопросов, на которые получил краткие ответы от Владимира. Игорь молчал.

– А дайте мне фразу, такую, чтобы я ее показательно процитировать смог, – попросил Иван-Иудей.

– Обыграйте как-нибудь слово «Светлый». Дайте, например, заголовок «Свет, который дал Светлый» или еще как-нибудь.

Владимир так и не дождался, когда Игорь заговорит с «акулой пера», насочинял ему несколько чудесных историй и отправил обратно. Подействовала его работа или что-то иное, но с утра по-прежнему к калитке приходили люди, и число их чуть подрастало. Антон не забывал повторять всем проходящим, что скоро состоится первое публичное выступление Игоря, просил прийти их самих и привести знакомых. Благодаря этому, по его ожиданиям, на первое выступление должно было собраться не менее пары сотен человек.

– Вход будет платный, кроме первого раза, и не дешевый. Пусть сразу воспринимают тебя, как профессионала, побывать у которого престижно, – напутствовал накануне Игоря Владимир. – Не бойся, что нет четкого плана. Пара ошеломляющих заявлений – и работай на личности. Главное запомни: на публике надо вести себя как в драке: сначала противника ошеломи и испугай, потом сразу повали и кулаками обрабатывай без остановки ни на секунду до его полного вырубания. Это только в кино все в обратном порядке показывают, да алкаши морды по полчаса друг другу бьют, потому что им процесс важен, а не результат. Исход настоящего боя решается в первую его секунду. Самый известный воин за всю историю самураев убил на поединках двести человек и почти всех – первым ударом.

Выступать пришлось Игорю в том же зале, где еще не так давно выступал безвременно покинувший своих вечно обреченных клиентов Святослав. При этом Владимир позаботился, чтобы никто из тех, кто «работал» на выступлениях Святослава, не попал в поле зрения «идущих на Светлого».

На это первое выступление Игоря пришло не так уж много людей. Вышел на сцену тот как будто без всякого волнения.

– Здравствуйте, – безыскусно и негромко произнес он и улыбнулся. – Я обладаю некоторыми способностями и хочу сейчас впервые опробовать их при стечении людей и при свидетелях, – начал он и все-таки запнулся от волнения. – Я чувствую, что мое призвание состоит в том, чтобы открывать что-то людям.

Игорь замолчал на секунду.

– Я жил как обычный человек, и в одно утро стал чувствовать, как в каждом из нас живет своя боль или радость. И люди сами часто не могли раньше сформулировать то, что я говорил им об этом. Оказывается, часто они сами не ведают, что творится в их душе. Но должна же быть какая-то общая для всех мудрость, чтобы человек, применив ее, смог разобраться... Я давал кому-то короткие советы, но эта общая мудрость пока недоступна мне, и я сам ищу ее...

– Ой, не то! – прошептал за кулисами Владимир, оценив скучающие лица людей в зале. – Я ж сказал, сначала ошеломирить надо....

Игорь говорил, но было заметно, что слова эти пропускаются, как обычное ничего не значащее скучное вступление. Публика явно ждала действия.

– Вот вам, например, мужчина, – обратился, наконец, Игорь к одному из сидящих в первом ряду, – я могу открыть, почему вы не хотите встречаться со школьными друзьями. Вас приглашали на встречу недавно.

– И почему?

– Вам кажется, что они считают вас неудачником после того случая, который произошел с вами сразу после выпускного вечера. Но они ведь уже не школьники – научились понимать и прощать других. Поэтому идите на юбилейную встречу вашего класса через месяц и ничего не бойтесь. Ваши одноклассники сами рады будут вам рассказать о своих таких же неудачах.

Мужчина усмехнулся, произнес:

– А я вроде не просил об этом говорить.

Люди начали негромко переговариваться. Игорь обратился к другому человеку, но тот взмахнул руками, отказываясь чего-то слушать о себе.

Выступление кое-как протянулось еще полчаса, но было явно провальным.

– Все пропало? – спросил Антон Владимира, когда они ехали домой.

– Не знаю. Может, мы просто поторопились или ошиблись с форматом работы, – ответил тот. – Ищем другой. Если сделана ошибка – примем ее достойно как неизбежность.

Прими достойно то, что неизбежно, – так, кажется, сказал палач-отравитель, протянув две с половиной тысячи лет назад чашу с ядом афинскому Сократу, осужденному толпой за раздражающие ее разговоры?

Глава 3

– Я надеюсь, вы не забываете, что нельзя никоим образом выдавать никакие данные о своем прошлом и вообще всякие подробности о своей личности? – напомнил в один из вечеров Владимир.

– Помним, но если спросят? – ответил Антон.

– Просто молчите. Самое интересное всегда говорит именно воображение человека. А ему надо лишь чуть-чуть подсказывать и лучше не прямо...

– Это как?

– Ну вот я между делом с соседями в разговоре обмолвился, что Игорь чуть ли не беглый монах, из монастыря прогнанный за то, что хлеб насущный у самых продвинутых вещей старцев стал отнимать. А ты дескать, послушник увязавшийся...

– Ну, тогда мне надо подучить для цитирования всякие «аз есмь» и «паки херувимы». И дневник пора вести «Житие мое»...

– Не обязательно, главное, тон смиренный иметь и глазами не бегать. Хотя в манерах ты в коем разе не должен копировать Игоря – даже наоборот. Чем контрастнее картинка – тем ярче впечатление.

... Игорь быстро уставал при ежедневной работе с приходящими, но понемногу осваивал свой дар в работе. Какое-то прояснение приходило, когда он концентрировал свое внимание на человеке, стараясь понять, за что этого человека можно просто по-человечески любить. По каким-то неясным приметам формировалось знание о тайных мотивах поступков этого человека, угадывались его сокровенные желания и причины их неисполнения. И вот тут словно пронизывало болью то ощущение, которое пришедший к тебе несет всю свою жизнь, или тот вопрос, который он никак не может разрешить для себя.

Владимир организовывал и разного рода исследования-демонстрации возможностей Игоря. Например, он нашел среди своих знакомых одного лежащего в больнице и отправился к нему с Игорем. Уже в палате он объявил всем лежащим тут больным о возможности дополнительно подправить свое здоровье руконаложением от Игоря и просветлеть духом в легкой беседе с ним. Скучающие мужчины, разомлевшие от безделья и пересказа анекдотов, не отказались.

– Помру неизбежно? – в шутку спросил сразу Игоря первый из них.

– Конечно, потому что это твой долг, – улыбнулся тот в ответ. – Ты же не завоевал свое место в мире – тебе его уступили твои умершие предки. Но отдавать этот долг можно и не торопиться...

Результат был поначалу неплох – через пару дней половина из находившихся в палате сообщили о явном улучшении самочувствия. Не дожидаясь лабораторных подтверждений положительного результата, Владимир тут же поспешил в ту больницу снова, уговорил врача пустить их с Игорем на пару минут еще в несколько палат. Врач поддался уговорам, но разрешил только без всяких разъяснений зайти им на минуту, чтобы Игорь быстро пожелал всем скорейшего выздоровления. А вот после такой процедуры некоторым из лежащих в тех палатах стало изрядно хуже...

– Я у врача выяснил, кому там поплошело, – объяснил вечером Владимир. – В основном тем, кто, как я заметил, смотрел на Игоря букой и явно не понял даже всей искренности наших намерений. Пострадали за неверие в благодать! Так что больше эксперименты с массовым охватом кого попало не проводим. Работает с теми, кто обратился сам. Но если видим и в обратившемся неверие – сразу отсылаем! Надо бы вообще сделать так, чтобы приходили только поверившие в силу Света, а не всякие интересующиеся. Хотя из тех, кому стало лучше, я думаю, каждый направит к нам минимум по несколько своих знакомых, а те – своих знакомых...

– Но без гарантии результата много за десять минут общения с Игорем они не заплатят, – грустно возразил Антон. – А при низкой цене без массовых акций на свободу за год не заработать. Да и Игоря жалко, если заставлять его днями напролет с ними возиться.

– Тогда задача – выйти на клиентов с очень высокой степенью платежеспособности. Других вариантов нет, – подытожил Владимир.

Но как?

Когда Владимир ломал голову над этим вопросом, он все больше понимал, что надо изобретать что-то совершенно новое. Снять для Игоря помещение в городе и преподнести его как рядового экстрасенса будет полным убийством всех перспектив – он и не подумает искать какого-то потеряшку по фото. В конце концов, большинство из тех, кто общался с ним, были просто удивлены, а чем, сами не очень и поняли. Некоторые пытались даже возмущаться. В общем, это не оказатель конкретных услуг за конкретную плату.

Однако, шла молва, и приходили все новые люди. Приходили и молодые, и старые, и больные, и порой просто опустошенные жизнью люди. И пока на просторной веранде или в саду Игорь на несколько минут встречался с новым человеком, обычно уже кто-то еще ждал встречи с ним. Финансовыми плодами своей новой трудовой деятельности Игорь с Антоном почти не пользовались – они жили затворниками в доме, почти никуда не выходя из него. Использование и освоение дара Игоря вдохновляло их обоих и интригующе звало дальше делать открытия человеческих болей, страхов, гримас трусливости, мелочности, зависти и других пороков...

На заборах и автобусной остановке невдалеке появились надписи «Здесь живет бог!» со стрелками, указывающими направление к домику. Антон заподозрил в такой скрытой рекламе руку Владимира, но промолчал об этом.

– Свет наш, скажи, кто ты есть? Экстралуч сияния истины, или мраковед тленных душ – как именовать тебя? – спросил однажды Антон, закрывая калитку за последним прихожанином.

– Не знаю. А когда я пытаюсь разобраться, всегда возникает ощущение, что на месте себя я вижу кого-то другого. Словно я актер, забывший слова своей роли и начавший играть чужую. Но вечно так продолжаться точно не может.

Антон иногда высказывал эти свои сомнения Владимиру. Тот однажды вечером все-таки попробовал им ответить на вопрос: а что дальше?

– Начав дело, сомневаться вредно. Подумав – решайся, решившись – не думай, – так, вроде японская мудрость учит. Да, начнем осваивать кое-что новое, когда сможем подняться до состоятельных клиентов, – пояснил свое видение Владимир.

«Кое-чем новым» по его продюсерскому замыслу должно было стать создание «Ордена Света» для самых избранных. Мечтой Владимира стала своего рода секта, члены которой регулярно отчисляли бы в фонд «членские взносы» и пожертвования, воспринимали Игоря как верховного жреца. Взамен члены ордена получили бы возможность, например, почаще видеть своего магистра, прибегать к его помощи, в крайних, конечно, случаях. В любую свободную минуту Владимир старался поймать мысль-идею о том, какой должна быть «обрядовая и знаковая система отличий» для членов ордена, за счет чего будут обеспечены его «крутизна и исключительность». Хотелось чего-то гениального, но такие мысли пока не приходили.

Конечно, Владимир чувствовал искушение пойти по проторенному, в сущности, пути. Придумав оригинальные термины, создать с помощью своих знакомых пиарщиков для Игоря учение о смысле жизни человека, замысловатое и в то же время преподносящее рецепт от всех проблем. Объявить Богом – не больше не меньше – главу «Пути света» (такое название секты пришло на ум Владимиру). Сформировать слой адептов этого учения из числа всякого рода «потерянных душ», побывавших на приеме у Игоря. Составить под это учение систему обрядовых действий, молитв, песнопений и всякой прочей ерунды, в том числе и методику отъема денег, для того, чтобы привлечь и удержать толпу с помощью этих адептов. Устраивать периодические «моления-увлечения», на которые приходили бы со своими жертвованиями новые и новые люди, появлялся бы периодически и сам «Пресветлый».

Нести людям это учение, подкрепляя его истинность прочей деятельностью Игоря (дай Бог, чтобы его дар не иссяк) и «стричь бабки» со страшной силой!

Все это было совершенно реально реализовать. Тех, кто рад был бы отдаться в теплые руки какого-то дарующего смысл жизни божественного избавителя от гнетущего ощущения одиночества, как всегда, было полно. Но Владимир не хотел банальностей. Сбирать капиталы с потерянных душ из молодежи и небогатых людишек повзрослее можно было, но крупная дичь на такое бы не клюнула. Владимиром больше владела другая мысль – сформировать тайное или открытое общество очень богатых поклонников найденного им пророка. Но как?

Владимир пригласил к Игорю бывшего своего одноклассника, который участвовал в подготовке вечернего телевизионного шоу на одном из главных каналов. Шоу было довольно мало-бюджетным, но судя по рейтингам, собирало хорошую аудиторию. Виктор, одноклассник Владимира, был одним из тех, кто занимался подбором кандидатов для этого шоу истеричных разборок.

– Да без проблем! – сказал Виктор, порасспросив Владимира о его кандидате на участие в «конкурсе болтунов». – Только кому нужно что-то утверждать? На это совершенно нету спроса. В ходу только пляски и встряски! Или хихикать, или ныть о чем-то тихонько. И вообще, правила любого для шоу: тупые любят увидеть тех, кто еще тупее, несчастные – тех, кому еще хуже, и так далее. Ты бы лучше Святослава своего приволок. Ты как-то говорил, что все равно он неперспективный в твоём бизнес-плане. Пара актеров рассказала бы трогательные печальные истории про свое уверование в этого типа. Он бы сам там чего-нибудь крикнуть успел, чтобы народ поприкалывался. В общем, главное, если не можешь слезу выжать, то поднимай крик и доводи кого-то до срыва.

– Нет. Дело со Святославом, похоже, конченное.

– Что, совсем с катушек уехал? Так это в принципе не помеха, даже лучше! Лишь бы не буйный был.

– Опять нет. Он резко на поправку пошел и уехал.

– Ну, можно его найти, предложить: пусть расскажет о своем наваждении на народ, покается... В этом случае плата даже выше будет. Организовать сопровождение всего этого в шоу даже интересно будет! Можно такое придумать! Представляешь, я тут с одним писателем классное шоу устроил. Он по одно время псевдореалистические книженции писал про девку-пророка, которая якобы в берлоге с медведем сожительствовала да биоимпульсы по всему миру

распространяла. От писательства он уже ушел, а фантазия-то работает. Так он нам предложил: давайте изобразим, что поверившие в мою бредятину основали секту со всеми своими соответствующими обрядами, они-де будут ахать и удивляться, а я скромно каяться. И здорово получилось! Даже в лес рядом с моей дачей с актерами съездили, сняли, как они хоромы водят вокруг елки – поют гимны той медвежьей сожигательнице. Тетки так играли! Глаза луком намазали и в рев после его покаяния пустились!

– А с тем, кого я предлагаю, и актеров не надо будет, даже сам подберу несколько человек из тех, кто у него на приеме побывал. Оппонентов набирай ты каких угодно!

– А если эти оппоненты сами со слезами каяться начнут? Он уже объявил себя исчадием небес?

– Пока нет.

– Ну вот, как объявит себя божком да приступит к массовым маразматическим обрядам, можно будет устроить судилище. Пропустим его картинку, потом без его участия запишем злопыхания... Единственное, что могу посоветовать: устройте какую-то акцию: массовое сборище, шествие какое-нибудь. Так, чтобы действительно нонсенс получился! Запишите хорошие картинки. Про переполох можно будет пустить информацию в новости по городскому каналу, коллегам там могу скажу, чтоб были готовы в заранее назначенный момент. Только предупреждаю: не нарушайте законодательство – за несанкционированный и проведенный не по правилам сеанс гипноза и прочих психотропных действий, например, можно и уголовное дело выхлопотать.

– А как же всякие секты существуют, которые только этим и живут? Я сам недавно наблюдал за тем, что делается в церкви некоего Николая Ростовского! Чистая уголовщина, если так рассудить!

– Видимо, не «всякие» это секты, а «избранные». А вот про признак, по какому они становятся избранными, ничего не могу сказать. Они ж не рассказывают! А есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. В общем, я к вам приеду, к нему на сеанс беседы схожу и после этого уже все конкретно разьясню...

... После разговора с Игорем Виктор зашел в дом, но не стал садиться по приглашению Владимира, а торопливо махнул рукой:

– Пожалуй, не получится ничего, извини. Да и мне это все неинтересно стало. Брошу я это дело.

И ушел.

– Наше желание попасть в ящик сыграло в ящик без нас... – резюмировал, глядя ему вслед, Владимир.

– Кстати, о ящиках, – начал вспоминать Антон. – Я сегодня по ящику в новостях сюжет видел про ящики. Какой-то мелкий священнодеятель где-то в местах не столь и отдаленных от прогрессивного человечества так прошелся по крышам пастве, которая с ума от безделья сходит, что та его совсем спасителем душ считать стала. Традиционно, как водится, углядывал он близкий конец света. До того доуглядывал, что человек пятнадцать по его наущению соорудили подземный бункер с вентиляцией и закрылись в нем до конца света. Свечки жгут горемыки да молятся по очереди. Для себя ящики какие-то туда притащили, сказали, что в эти гробы сами улягутся. Им кричат: вылезьте, мол, а они отвечают, что если начнет кто их силой вызволять, то взорвут бункер во славу божию. Сам их предводитель, однако, под землю с ними не полез, а, возгордившись организаторскими-то способностями, побег рассказывать о своем успехе. Думал, наверное, зауважают, а его в психушку загребли. Сейчас он в дурдоме в лучах славы купается, каждый день интервью раздает. В новостях и его показали, и бункер, к трубе вентиляционной микрофон подносили детей подземелья послушать. Совсем жалостливо молитвы поют. Включи телевизор – в следующем выпуске новостей повторят.

Владимир радостно прислушивался.

– Так это то, что нам и надо! – развел он руками.

У подъезда к ставшему знаменитым оврагу, куда Владимир еле добрался, петляя на машине по полевым и лесным дорогам в такой глуши, что даже мобильник пожаловался на «отсутствие сети», стоял милицейский «УАЗик». Усталый капитан милиции сидел рядом с машиной на раскладном стульчике посреди травы, пил чай из крышки термоса.

– Давненько никого не было! Опять интервью московским гостям давать? – приветствовал он подъехавших, взглянув на номер машины. Убедившись, что подъехали не журналисты, а просто мимо проезжающие «интересующиеся», он в конце концов разговорился.

... В местных краях, богатых грибами да ягодами, в совсем разрушенной деревеньке поселился пару лет назад то ли священник, то ли просто потерявшийся в своей идее человек. Деревеньку эту он присмотрел давно как очень уж подходящее место для основания религиозной общины: заброшенные дома на одиноком высоком угоре над речкой, за которой – клюквенное болото. По сторонам от бывшей деревни – сосновые леса, в которых после летних ливней появляется такая уйма белых грибов и лисичек, что таскать – не перетаскать все эти дары леса на специально открываемый здесь кем-то с середины лета в сарае заготпункт. Приезжает сюда на сезонный заработок разный народ, кто занимает для ночлегов пустые дома, кто ставит палатки у машин, а на весь световой день уходят все на леса или болота под одуряющую тишину безо всяких мыслей в голове класть да класть грибы да ягоды в огромные корзины, туса да пестери.

Сюда и привел свою общину в три десятка человек тот, кого все называли «отцом Артемием». Были в общине люди средних лет, мужчины и женщины, были и семейные пары, были и вполне молодые молчаливые люди, кто-то и раньше был по жизни одиноким, кто-то уйдя сюда, бросил родных. Поселились они здесь ранней весной, соорудили деревянное общежитие из нескольких полуразвалившихся остовов деревянных домов, разобрав срубы и сложив вокруг одного более целого домика. В общежитии этом, разделенном на крохотные каморки, где каждый слышал шорохи соседей, прожили они чуть больше года. Начало лета прошло в трудах и обустройстве, окончание его и осень – в работе на сборе ягод и грибов на заготпункт. Все деньги хранились под контролем отца Артемия, который в близлежащих деревнях у фермеров заказал на них картошки да других продуктов на зиму, закупил свечей да прочих вещей в хозяйство. Зимой община перезимовала сообща, проводя время в разговорах о беспросветности и грязи мирской жизни, слушая наставления духовного предводителя, сообща молясь и творя обряды, а главное, создавая свою подземную церковь.

В таком благодатном месте, где за месяц-другой сбора «даров природы» человек вполне зарабатывал на крупную покупку или скудное пропитание в течение года, община смогла бы просуществовать немало лет. Однако, как водится, предводителя начало заносить. Система проводимых им православных обрядов скоро поменялась на полумистические пугающие таинства, узнавая о которых, никто посторонний не стремился общаться с членами общины. Чуть почувствовав, что члены общины начинают с окончанием летне-осенних трудов раскисать, и разговоры в ставшие долгими вечера окрашиваются в дерзкие краски смешливости, не знающий усталости духовник нашел, как занять паству и не допустить морального разложения.

В склоне бугра, на котором первые местные поселенцы возвели когда-то деревню, началось строительство подземной церкви. Место было выбрано чуть выше родника, так что в обширной выкопанной пещере был сделан и колодец со свежей водой. Потолок укрепили установленными распорками, посреди колоннады которых был установлен диковинного вида алтарь, который более всего напоминал античный жертвенник. Были в пещере и крохотные кельи для уединенных молитв, и склад продовольствия и дров и даже кухня, где можно было испечь в печурке хлеб. Несколько труб вели к поверхности земли и обеспечивали циркуля-

цию воздуха. Зима прошла в великих трудах, в головах изнеможенных людей звенела усталая пустота, в которую послушно ложилось все сказанное духовным владыкой.

А владыка видел, что легче всего ложится в опустошенные головы страх: страх перед переменами, страх перед неизведанным, страх перед ответственностью и способностью сомневаться. Как самое жидкое чувство, страх имеет свойство растекаться по сознанию, проникая в ничтожные щели и заполняя самые незаметные пустоты. И все чаще и чаще вдавливая в свой голос успокаивающие паству нотки страха, властитель начинал говорить об обреченности неестественного безумного мира и скором конце Света. И люди, видевшие в последние годы вокруг себя в мире одну неразбериху, не понимающие, какой логике подчиняется все происходящее вокруг, благодатно сникали сознанием под действием его слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.